Ясинский.
Волнения помещ.
крестьян Киевск.
губ.
в 1855 г.

А 165/493

Н 16 д. / 493.

КЪ ИСТОРІИ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ДВИЖЕНІЙ ВЪ РОССІИ.

ВОЛНЕНІЯ

ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ

ВЪ 1855 ГОДУ.

М. Н. Ясинскаго.

Кіевъ.
Типографія В. І. Завадзкаго. Б.-Васильковская, д. № 29—31.
1890.

А 165/493

КЪ ИСТОРІИ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ДВИЖЕНІЙ ВЪ РОССІИ.

ВОЛНЕНІЯ

ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ

ВЪ 1855 ГОДУ.

БИБЛІОТЕКА М.П.М.

М. Н. Ясинскаго.

Кіевъ.
Типографія В. І. Завадзкаго. Б.-Васильковская, д. № 29—31.
1890.

Оттискъ изъ IV-й книги „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца".

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго университета св. Владиміра. Деканъ *Ѳ. Фортинскій.*

КЪ ИСТОРІИ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ДВИЖЕНІЙ ВЪ РОССІИ.

Волненія помѣщичьихъ крестьянъ Кіевской губерніи въ 1855 году *).

Какъ извѣстно, крѣпостное право, просуществовавшее въ Россіи около 270 лѣтъ и справедливо названное И. Д. Бѣляевымъ „болѣзнью русскаго общества", достигло наибольшаго своего развитія въ XVIII в. Въ продолженіе этого именно столѣтія, главнымъ же образомъ въ царствованіе Петра III и Екатерины II, произошло самое сильное ограниченіе правъ помѣщичьихъ и непомѣщичьихъ крестьянъ, и крѣпостное право получило наибольшее пространственное развитіе. Постепенное усиленіе крѣпостнаго права сопровождалось рядомъ крестьянскихъ движеній, которыя все учащались и принимали болѣе и болѣе грозный характеръ по мѣрѣ того, какъ усили-

*) Поводомъ для настоящей замѣтки, читанной въ засѣданіи Историч. Общества Нестора лѣтописца 26 нояб. 1889 г., послужило дѣло военно-судной коммиссіи о волненіяхъ 1855 г. въ Каневскомъ уѣздѣ Кіевск. губ., а также записанный нами разсказъ очевидцевъ о волненіяхъ въ Черкасскомъ уѣздѣ. Упомянутое дѣло, найденное въ мѣстномъ Центральномъ Архивѣ при разборѣ бумагъ, присланныхъ изъ Кіевскаго Губернск. Правленія, состоитъ изъ обвинительнаго акта, приговора суда и проч. бумагъ, относящихся къ утвержденію и приведенію въ исполненіе означеннаго приговора. Въ виду того, что волненія 1855 г. находятся въ тѣсной связи съ предыдущ. крестьянскими волненіями, потрясавшими Россію въ до-эмансипаціонную эпоху и вызванными б. ч. однѣми и тѣми же причинами, мы сочли умѣстнымъ, прежде чѣмъ перейти къ волненіямъ 1855 г. въ Кіевской губ., сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о крестьянскихъ движеніяхъ въ Россіи вообще.

вались права владѣльческія и ограничивались права крѣпостныхъ людей[1]). Этими движеніями, нерѣдко вынуждавшими правительство прибѣгать къ значительной военной силѣ и усилившими между прочимъ зарево Пугачевскаго пожара, охватившаго въ 74 году XVIII ст. всю восточную Россію, русскіе крестьяне выражали свой горячій, иногда кровавый, протестъ противъ усиливавшагося крѣпостнаго права, противъ лишенія ихъ свободы. Мысль о свободѣ, живо сохранявшаяся, какъ то свидѣтельствуетъ масса фактовъ, въ народномъ сознаніи и не покидавшая его во всю страдную пору существованія крѣпостнаго права, получила особенно сильный толчекъ въ царствованіе Петра III вслѣдствіе манифеста 18-го февр. 1762 г., освободившаго дворянъ отъ обязательной службы. Вслѣдъ за изданіемъ этого манифеста, разрушившаго стройность и послѣдовательность полученной въ наслѣдіе отъ Московскаго періода системы закрѣпощенія всѣхъ земскихъ классовъ общества, манифеста, окончательно порвавшаго и безъ того уже ослабѣвшую въ то время связь крестьянъ (помѣщичьихъ) съ государствомъ и тѣмъ самымъ предоставившаго ихъ полному произволу помѣщиковъ, среди крестьянъ разнесся упорный слухъ, что за манифестомъ дворянству послѣдуетъ вскорѣ другой царскій указъ, который уничтожитъ крѣпостное право и освободитъ крестьянъ отъ помѣщичьей власти и барщинъ, подобно тому, какъ дворянство освобождено отъ обязательной службы государству. Слухи эти вызвали сильное крестьянское движеніе во многихъ мѣстахъ имперіи, принудившее правительство издать манифестъ, въ которомъ объявлялось крестьянамъ, что они попрежнему должны повиноваться помѣщикамъ, а затѣмъ выслать на мѣста безпорядковъ войска для усмиренія крестьянъ.

Не перечисляя всѣхъ крупныхъ крестьянскихъ волненій, происшедшихъ во второй половинѣ прошлаго и первой—текущаго столѣтій, замѣтимъ только, что съ царствованія Петра III крестьянскія движенія, вызванныя жаждой свободы, сдѣлались надолго обычнымъ

---

[1]) Къ такому выводу легко прійти, если прослѣдить всѣ извѣстныя намъ крестьянскія волненія, происшедшія въ періодъ особеннаго развитія крѣпостнаго права, начиная съ царствованія Петра I и кончая царствованіемъ Екатерины II. Здѣсь кстати замѣтимъ, что первое, о которомъ сохранились свѣдѣнія, крестьянское движеніе въ XVIII в. произошло въ 1718 г.

явленіемъ русской общественной жизни: съ тѣхъ поръ, съ началомъ каждаго новаго царствованія, слухи о предстоящей волѣ воскресали съ новой силой и порождали новыя болѣе или менѣе сильныя волненія крѣпостныхъ крестьянъ. Напрасно Екатерина II, Павелъ и имп. Николай издавали вслѣдъ за вступленіемъ своимъ на престолъ манифесты, которыми объявлялось, что всѣ подобные слухи ложны, что всѣ помѣщичьи крестьяне должны повиноваться своимъ господамъ, что неповинующіеся будутъ строго наказаны [2]),—мысль о неизбѣжности и близости освобожденія не покидала крѣпостныхъ. Утихнувшее или прекращенное силою оружія, волненіе въ одной мѣстности смѣнялось черезъ нѣкоторое время новыми волненіями въ той же или другой какой-либо мѣстности, лишь только являлся поводъ для надежды,—лишь только происходило какое-либо событіе, болѣе или менѣе выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, которое можно было принять за поводъ къ освобожденію, или издавался какой-либо правительственный актъ, который можно было счесть за переходную мѣру къ освобожденію или даже намекъ на близость его. Такъ было во всѣ четыре царствованія, предшествовавшія вступленію на престолъ имп. Александра II, особенно же въ царствованіе имп. Николая [3]), который, какъ извѣстно, въ продолженіе почти всего своего царствованія старался, если не развязать, то, по крайней мѣрѣ, ослабить узелъ крѣпостнаго права, туго завязанный еще въ про-

---

[2]) Таковы манифесты: 3 іюля 1762 г., 29 янв. 1797 г. и 12 мая 1826 г. Во вторую половину царствованія имп. Александра I также разнеслась молва объ освобожденіи крѣпостныхъ, вызвавшая значительныя волненія въ 1818—1820 гг.

[3]) Свѣдѣнія о волненіяхъ въ прошломъ столѣтіи можно найти въ трудахъ, указанныхъ ниже въ примѣч. 10. Число волненій за время съ начала текущаго столѣтія по 1854 г. включительно, съ указаніемъ ихъ причинъ, можно опредѣлить съ помощью оффиціальныхъ данныхъ, приведенныхъ въ „Исторіи Мин. Внутр. Дѣлъ“ Варадинова (т. III, кн. 1—4), а также и въ „Матер. для ист. крѣп. права“. На основаніи этихъ трудовъ В. И. Семевскій (см. „Крестьянскій вопросъ...“, т. II, стр. 595—96) опредѣлилъ 1), что въ царствованіе имп. Николая всѣхъ волненій помѣщичьихъ крестьянъ было не менѣе 556 (при чемъ на Кіевскую губ. приходится около 20 волн.), а 2), что изъ 275 волн., бывшихъ въ 1836—49, 1851 и 1854 гг., волненій, причина которыхъ точно извѣстна, 144 произошло вслѣдствіе того, что крестьяне считали себя или уже освобожденными, или имѣющими право домогаться свободы на законномъ, по ихъ мнѣнію, основаніи (132 волн.), или, наконецъ, вслѣдствіе ложныхъ слуховъ о предстоящей свободѣ (12 волн.).

шломъ столѣтіи, и цѣлымъ рядомъ постановленій облегчить участь крестьянъ[4]).

Независимо отъ частыхъ и упорныхъ слуховъ объ освобожденіи или близости его, причиной крестьянскихъ движеній какъ въ прошломъ, такъ и настоящемъ столѣтіи были также: слухи о возможности избавиться отъ барщины или даже отъ крѣпостной зависимости поступленіемъ въ ряды арміи[5]), или переселеніемъ въ какіе-то свободные края[6]), недовольство инвентарными правилами[7]) и т. п., а въ особенности жестокости помѣщиковъ и ихъ управляющихъ, угнетеніе и разореніе крестьянъ чрезмѣрной барщиной. Всѣ эти причины далеко не всегда вызывали открытыя волненія и безпорядки: очень часто, напр., угнетаемые крестьяне прибѣгали къ мирной, хотя опасной лично для нихъ, формѣ протеста противъ помѣщичьей

---

[4]) Такихъ постановленій было издано до 108. А. Д. Градовскій: Начала рус. госуд. пр., I, стр. 257.

[5]) Такіе слухи, напр., были распространены въ царствованіе имп. Елисаветы (въ основаніи ихъ лежалъ дѣйствительный фактъ: Петръ В. предоставилъ крестьянамъ всѣхъ разрядовъ право поступать въ военную службу). Крестьяне цѣлыми толпами уходили отъ своихъ помѣщиковъ и просили о зачисленіи ихъ въ военную службу, посылали о томъ прошенія императрицѣ и пр. Движеніе это вызвало указъ 1742 г., которымъ воспрещалось крѣпостныхъ людямъ самовольно вступать въ военную службу, а челобитчиковъ велѣно бить кнутами и плетьми, а нѣкоторыхъ сослать въ Сибирь. См. Градовскій: „Рус. госуд. пр.“ I, 242; Бѣляевъ: „Крестьяне на Руси“, 263—64. Подобные же отчасти слухи, какъ мы увидимъ ниже, были одной изъ главныхъ причинъ крестьянскихъ волненій въ 1854—1855 гг.

[6]) Подобные слухи неоднократно волновали крестьянъ какъ въ XVIII, такъ и въ XIX ст. Такъ, напр., въ 1758 г. разнеслась молва, что помѣщичьимъ крестьянамъ разрѣшено правительствомъ переселиться въ Царицынъ и Камышенку. Подъ вліяніемъ подобныхъ же слуховъ, въ 1847 г. въ Витебской губерніи около 10000 чел. пыталось переселиться на др. лучшія земли въ южныхъ губерн., и волненіе этихъ людей „грозило, по словамъ оффиц. отчета, сообщиться всему губернскому населенію“; въ Курской губ. въ томъ же 1847 г. приготовлялось къ побѣгу изъ 46 помѣщичьихъ имѣній около 40000 крестьянъ. Увлеченные такими слухами, крестьяне продавали за безцѣнокъ все свое имущество и, забравъ женъ и дѣтей, пускались въ путь цѣлыми деревнями, нерѣдко сами не зная куда; были, напр., такіе случаи: крестьяне Витебской и Лифляндской губ., желая переселиться въ теплые края, шли по направленію къ Петербургу. См. Варадинова „Ист. Мин. Внутр. Дѣлъ“, т. III, кн. 3, стр. 351—352.

[7]) Такого рода причина волненій имѣла, конечно, мѣсто лишь въ XIX ст., а именно, начиная съ 1848 г., послѣ того какъ инвентарныя правила 26 мая 1847 г. (вторая редакція этихъ правилъ утверждена 29 декаб. 1848 г.) были введены въ дѣйствіе въ нѣкоторыхъ губерніяхъ.

жестокости, а именно къ подачѣ на своихъ господъ жалобъ на имя Государя, а, съ учрежденіемъ министерства внутрен. дѣлъ, также и въ это послѣднее [8]). Нерѣдко также вслѣдствіе непреодолимаго желанія сбросить съ себя ненавистное ярмо рабства крѣпостные толпами бѣжали изъ помѣстій своихъ владѣльцевъ въ Новороссію, Бессарабію, Молдавію и др. края [9]). Наконецъ, раздраженіе помѣщичьихъ крестьянъ противъ жестокостей своихъ господъ и стремленіе крѣпостныхъ вырваться на волю выражались въ болѣе преступной и даже кровавой формѣ, въ формѣ убійствъ, нанесенія ранъ или побоевъ, поджоговъ и пр.

Въ предѣлы нашей скромной замѣтки не входитъ, конечно, задача прослѣдить всѣ крестьянскія движенія, начиная съ XVIII в., подробно указать ихъ причины, характеръ и формы выраженія, такъ какъ такая задача можетъ входить лишь въ спеціальную, полную и законченную, исторію крестьянскихъ движеній въ Россіи, исторію, которою еще не обладаетъ отечественная литература, но которая, съ появленіемъ своимъ, должна обогатить науку важными и новыми и при томъ самыми разнообразными данными для внутренней исторіи Россіи, или, точнѣе, для исторіи русскаго народа. Мы лишь желали въ краткихъ чертахъ намѣтить общій ходъ крестьянскихъ дви-

---

[8]) Подача жалобъ на помѣщиковъ воспрещена крестьянамъ указомъ 22 авг. 1767 г.: „которые люди и крестьяне... недозволенныя на помѣщиковъ своихъ челобитныя, а наипаче въ собственныя руки императрицы, подавать отважатся: то какъ челобитчики, такъ и сочинители сихъ челобитенъ, наказаны будутъ кнутомъ, и прямо сошлются въ вѣчную работу въ Нерчинскъ“ (П. С. З. № 12966). (Указъ этотъ не былъ лишь одной угрозой: извѣстно, напр., что 1781 г. крестьяне, подавшіе жалобу на своего помѣщика, подверглись всей строгости наказаній, опредѣленныхъ въ упомянутомъ указѣ). По уложенію о наказаніяхъ 1845 г. (ст. 1909), крѣпостные, принесшіе жалобу на помѣщиковъ, подвергались тѣлесному наказанію. Несмотря на всю строгость указанныхъ законовъ, запрещавшихъ подачу на помѣщиковъ жалобъ, таковыя попрежнему подавались крестьянами, выведенными изъ терпѣнія жестокостями своихъ помѣщиковъ и чрезмѣрными барщинами. Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ царствованіе имп. Николая такія жалобы обыкновенно вызывали правительственное разслѣдованіе, и виновные въ жестокостяхъ помѣщики предавались суду, а имѣнія ихъ брались въ опеку (напр., только въ 1852—53 гг. было взято въ опеку 193 имѣнія съ населеніемъ въ 14 т. д. м. п.). См. „Ист. М. В. Д.“, т. III, passim и Семевскаго „Крестьянскій вопросъ“, 2 т., стр. 571—575.

[9]) Какъ извѣстно, бѣгство крестьянъ изъ помѣщичьихъ имѣній, было излюбленной формой молчаливаго, пассивнаго протеста закрѣпощеннаго народа противъ крѣпостнаго права,—формой, практиковавшейся какъ въ 17, такъ въ 18 и 19 вв.

женій, предшествующихъ волненіямъ 1854—1855 гг., имѣвшимъ мѣсто между проч. и въ Кіевской губ., и указать основную причину этихъ движеній. Затѣмъ, въ дополненіе къ сказанному, не можемъ не замѣтить, что, на основаніи изученія тѣхъ сравнительно отрывочныхъ и разбросанныхъ въ различныхъ трудахъ данныхъ о крестьянскихъ движеніяхъ [10]), данныхъ, которыми мы располагаемъ уже теперь, нельзя не прійти къ слѣдующимъ общимъ выводамъ:

1) русскій народъ никогда не мирился съ крѣпостнымъ состояніемъ, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ протестовалъ противъ крѣпостнаго права и связаннаго съ нимъ произвола помѣщиковъ и изъ поколѣнія въ поколѣніе передавалъ воспоминаніе о былой личной свободѣ и твердую надежду на близость желанной воли;

2) жажда свободы была такъ велика и надежда на освобожденіе такъ упорна, что никакія репрессаліи, производившіяся соединенными силами высшаго правительства, мѣстныхъ властей и самихъ помѣщиковъ, никакія ужасныя наказанія за всякую попытку сбросить ненавистное крѣпостное иго не могли сломить ни той, ни другой: крестьянскія волненія почти непрерывно тянутся черезъ 18 и 19 вв., прекратясь только наканунѣ отмѣны крѣпостнаго права;

3) во всѣхъ болѣе крупныхъ крестьянскихъ волненіяхъ прошлаго и настоящаго столѣтій неизмѣнно обнаруживается одна и та же черта: полное недовѣріе крестьянъ ко всѣмъ мѣстнымъ властямъ, ко всѣмъ чиновникамъ и помѣщикамъ, которые (чиновники и помѣщики), по мнѣнію крестьянъ, всегда дѣйствуютъ заодно, во вредъ имъ, вопреки волѣ царя, и одновременно съ этимъ глубокая, ничѣмъ несокрушимая вѣра закрѣпощеннаго народа въ тѣсную свою связь съ царемъ, въ его безконечную доброту и пламенное его желаніе

---

[10]) Данныя о крестьянскихъ волненіяхъ въ XVIII и XIX в. находятся въ слѣд. трудахъ (кромѣ П. С. З.): 1) Варадинова: „Исторія Министерства Внутреннихъ дѣлъ“ (т. III, кн. 1—4), 2) „Матеріалы для исторіи крѣпостнаго права“, 3) Д. И. Бѣляева: „Крестьяне на Руси“, 4) А. В Романовича-Славатинскаго: „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в.“, 5) В. И. Семевскаго: „Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II“, 6) его-же: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой полов. XIX в.“, т. I—II и въ нѣкот. др.; затѣмъ въ различ. воспоминаніяхъ, запискахъ и пр., разбросанныхъ въ историч. журналахъ: въ Рус. Архивѣ (гдѣ м. п. помѣщена ст. де-Пуле: „Крестьянск. движеніе при имп. Павлѣ“, Р. А., 1869 г.), Рус. Старинѣ, Древней и Новой Россіи и Кіевской Старинѣ. См. также слѣд. примѣч.

освободить крестьянъ; отсюда вѣра въ существованіе царскаго освободительнаго указа, скрываемаго подкупленными чиновниками и жадными помѣщиками, и наивная, твердая увѣренность въ правомѣрности волненій.

Эта послѣдняя общая черта является основной, рельефной чертой въ характерѣ нашихъ народныхъ движеній, составляетъ ихъ особенность и проходитъ красной нитью черезъ всю почти непрерывную цѣпь крестьянскихъ волненій на пространствѣ болѣе, чѣмъ столѣтняго періода.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній обратимся къ волненіямъ 1854—1855 гг., охватившимъ нѣсколько губерній и въ томъ числѣ Кіевскую [11]).

I.

Несмотря на то, что въ царствованіе имп. Николая ни одинъ годъ не проходилъ безъ крестьянскихъ волненій, иногда довольно серьезныхъ, они никогда, однако, не достигали такой силы, не захватывали такого громаднаго района, какъ, напр., волненія при Петрѣ III, во время Пугачевщины или же въ началѣ царствованія имп. Павла, когда волненіе охватило одиннадцать губерній и потребовало высылки на мѣста безпорядковъ нѣсколькихъ полковъ съ фельдмар-

[11]) Свѣдѣнія о волненіяхъ 1854—55 гг. находятся: 1) въ 1-мъ томѣ „Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи въ царств. имп. Александра II“ (3 т., изд. въ 1860—62 г. въ Берлинѣ) *) и 2) въ „Матеріалахъ для исторіи крѣп. права“. Кромѣ того, о волненіяхъ въ Кіевской губ. въ 1855 г. существуютъ воспоминанія С. Громеки (Отеч. Зап., т. CXLVII), состоявшаго при Кіевскомъ генералъ-губернаторѣ кн. Васильчиковѣ и бывшаго впослѣдствіи Сѣдлецкимъ губернаторомъ, а также воспоминанія потерпѣвшихъ священниковъ А. Ковальскаго и В. Сикорскаго (Кіевск. Стар. 1882 г., №№ 1, 2 и 4). Съ помощью вышеназванныхъ матеріаловъ и сопоставленныхъ другъ съ другомъ только-что названныхъ воспоминаній, а въ особенности съ помощью воспоминаній С. Громеки, написанныхъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ (они написаны въ 1856 г., а напечатаны въ 1863 г.) и вообще богатыхъ оффиціальными данными, а также и тѣхъ данныхъ, которыми располагаемъ мы сами (см. прим. на 1 стр.), и составленъ настоящій очеркъ крестьянскихъ волненій 1855 г. въ Кіевской губерніи.

*) Изъ Записокъ сенатора Я. А. Соловьева (Рус. Стар., т. XXX) видно, что авторомъ этихъ „Матеріаловъ“ былъ Д. П. Хрущовъ, бывшій товарищемъ министра государств. имуществъ.

шаломъ кн. Рѣпнинымъ во главѣ: всѣ крестьянскія движенія въ первой половинѣ этого столѣтія, за весьма немногими исключеніями, носили характеръ чисто мѣстныхъ возмущеній противъ тяжести барщины, нестройныхъ протестовъ противъ крѣпостнаго права, отдѣльныхъ, разрозненныхъ попытокъ освободиться изъ крѣпостной зависимости. Нельзя, однако, этого сказать про волненія 1854—55 гг., сопровождавшія конецъ царствованія имп. Николая и продолжавшіяся въ началѣ царствованія его великаго Преемника: охвативъ почти одновременно громадный районъ въ нѣсколько губерній, они выразились въ столь необычайной и энергической формѣ, достигли такой степени развитія, а главное, были вызваны такой повсемѣстной жаждой воли, столь упорной и глубокой надеждой на царя и вѣрой въ освобожденіе и, наконецъ, осложнились такимъ взрывомъ единодушнаго патріотическаго чувства, что рѣзко выдѣлились изъ всей массы предыдущихъ волненій, обратили на себя чрезвычайное вниманіе правительства и общества и невольно заставили многихъ серьезно призадуматься. Можно съ увѣренностью сказать, что знаменитыя слова незабвенной памяти имп. Александра Николаевича, обращенныя имъ (въ мартѣ 1856 г.) къ Московскому дворянству: „лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу“ [12]),—были отчасти вызваны только-что указанными волненіями (въ то время уже всюду подавленными).

Не останавливаясь подробно на описаніи крестьянскихъ волненій 1854—55 гг. во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ и уѣздахъ, которые они охватили въ указанные годы, мы сдѣлаемъ лишь нѣсколько необходимыхъ и общихъ замѣчаній о причинахъ, внѣшнихъ поводахъ, размѣрахъ, формѣ проявленія и подавленіи этихъ волненій, а затѣмъ перейдемъ къ болѣе подробному описанію волненій въ Кіевской гу-

[12]) Замѣчательно, что восьмидесятью почти годами ранѣе имп. Екатерина II высказала подобную же мысль. Не соглашаясь на жестокія противъ крестьянъ, косвенно участвовавшихъ въ Пугачевскомъ бунтѣ, мѣры, проектированныя сенатомъ, и убѣждая членовъ сената относиться къ своимъ крестьянамъ болѣе гуманно, императрица сказала: „Если не согласимся на уменьшеніе жестокости и умѣреніе человѣческому роду нестерпимаго положенія, то и противъ воли нашей сами оную возьмутъ рано или поздно“ („Осмнадц. вѣкъ“ Бартенева, кн. 3, стр. 390). Совпаденіе, во всякомъ случаѣ, замѣчательное.

берніи и особенно въ тѣхъ ея уѣздахъ, которыхъ касаются данныя, находящіяся въ нашемъ распоряженіи и еще неопубликованныя.

Конечно, главная внутренняя причина этихъ волненій—та же самая, которая вызвала большинство всѣхъ предшествующихъ волненій и на которую мы уже указывали выше. Это—ненависть къ крѣпостному праву, жажда свободы, напряженное ожиданіе этой свободы и глубокое убѣжденіе народа, что царь скоро дастъ или уже далъ таковую. Разница лишь въ томъ, что едва ли когда-либо эта сложная причина, сопровождаемая на этотъ разъ сильнымъ подъемомъ патріотическихъ чувствъ любви къ царю и отечеству, достигала такой силы, такого развитія, какъ это случилось во время „Севастопольской" войны и при восшествіи на престолъ имп. Александра II. Что же касается внѣшняго повода для описываемыхъ крестьянскихъ волненій, то таковымъ, несомнѣнно, послужили: сенатскій указъ 3 апр. 1854 г. о морскомъ ополченіи, манифестъ 14 дек. того же года съ воззваніемъ къ Россіи по случаю восточной войны и, наконецъ, манифестъ 29 янв. 1855 г. о государственномъ ополченіи.

Чтобы понять, какимъ образомъ эти правительственные акты могли породить ложные слухи, вызвать неправильное толкованіе ихъ, мы въ выноскѣ приводимъ двѣ цитаты изъ манифестовъ 14 дек. и 29 янв. [13]). Здѣсь же замѣтимъ, что въ горячо написанныхъ мани-

[13]) Изъ манифеста 14 декабря 1854 г.: „...Россіяне! Вѣрные сыны Наши, вы привыкли не щадить ничего, когда Провидѣніе призываетъ васъ къ Великому и Святому дѣлу, ни достоянія, многолѣтними трудами пріобрѣтеннаго, ни жизни и крови вашей и чадъ вашихъ. Благородный жаръ, съ самаго начала войны пламенѣющій въ сердцахъ вашихъ, не охладится ни въ какомъ положеніи, и ваши чувства суть также чувства Государя вашего. Буде нужно, Мы всѣ, Царь и подданные, повторяя слова Имп. Александра, произнесенныя имъ въ подобную нынѣшней годину искушенія, *съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ*, станемъ передъ рядами враговъ, на защиту драгоцѣннѣйшаго въ мірѣ блага: безопасности и чести Отечества" (2-ое П. С. З., т. XXIX, отд. 2, № 28824).

Изъ манифеста 29 янв. 1855 г.: „...Исполняя сей первѣйшій Нашъ долгъ и прилавъ въ помощь Всевышняго, съ полнымъ упованіемъ на милость Его, съ полнымъ довѣріемъ къ любви Нашихъ подданныхъ, единодушныхъ съ Нами въ чувствѣ преданности къ Вѣрѣ, къ Церкви Православной и къ любезному Отечеству Нашему, обращаемся съ симъ новымъ воззваніемъ ко всѣмъ сословіямъ Государства, повелѣвая: приступить ко всеобщему Государственному ополченію. Правила о составѣ и устройствѣ сего ополченія разсмотрѣны, утверждены Нами и подробно означаются въ особомъ Положеніи. Они будутъ въ точности и съ рвеніемъ повсюду приведены въ исполненіе. Не разъ уже предстояли Рос-

фестахъ этихъ глава государства обращается одинаково ко всѣмъ своимъ подданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ, не дѣлая между существовавшими тогда свободными и несвободными состояніями никакого видимаго различія, словомъ, обращается къ нимъ, какъ отецъ къ одинаково любимымъ дѣтямъ, и всѣхъ одинаково приглашаетъ на защиту „безопасности и чести“ родины. Если, сверхъ сказаннаго сейчасъ, пріймемъ также во вниманіе тѣ чувства, которыя искони обуревали крестьянское сердце, припомнимъ тотъ патріотическій порывъ, который охватилъ въ тяжелую годину восточной войны всю Россію, прибавимъ, наконецъ, ко всему этому „темноту“ крестьянскаго люда и его непониманіе литературнаго языка, то мы, безъ сомнѣнія, поймемъ теперь (въ свое время не всѣ понимали это надлежащимъ образомъ) не только то, отчего произошли ложные слухи и неправильное толкованіе указанныхъ манифестовъ, но также и то, почему вызванное этими толками крестьянское движеніе было такъ упорно и выразилось въ такой необычайной, сравнительно съ предыдущими волненіями, формѣ.

Какъ бы то ни было, но обнародованіе сенатскаго указа, а въ особенности вышеназванныхъ манифестовъ дало совершенно неожиданные для правительства результаты довольно грознаго характера.

Неграмотный и плохо понимающій книжную рѣчь народъ, толкуя по-своему обнародованные указъ и манифесты, понялъ ихъ какъ приглашеніе царя, обращенное ко всѣмъ крестьянамъ, „не отказываться отъ него“ и поголовно ополчиться на защиту его, вѣры и отечества; затѣмъ распространился упорный слухъ, что всѣ помѣщичьи крестьяне, которые добровольно запишутся и пойдутъ въ ополченіе, будутъ освобождены вмѣстѣ съ своими семействами и, такимъ образомъ, навсегда избавятся отъ помѣщичьей власти съ ея ненавистной барщиной; къ этому прибавляли дальше, что царскій указъ о свободѣ уже вышелъ, но что этотъ указъ, какъ крайне невыгодный для помѣщиковъ, скрывается отъ народа, вопреки царскому повелѣнію, мѣстными властями и священниками, подкупленными

сіи и постигали ее тягостныя, иногда жестокія испытанія. Но ее спасали всегда смиренная вѣра въ Провидѣніе и тѣсная, ничѣмъ неразъемлемая связь Царя съ подданными, усердными дѣтьми Его. Да будетъ такъ и нынѣ: да поможетъ намъ читающій въ сердцахъ, благословляющій чистыя намѣренія Богъ!“ (2-ое П. С. З., № 28991).

помѣщиками. Подъ вліяніемъ этихъ и подобныхъ имъ слуховъ начались волненія помѣщичьихъ крестьянъ, и волненія эти мало по мало охватили громадный районъ.

Первое движеніе произошло въ Рязанской губерніи, затѣмъ продолжалось въ Тамбовской, Владимірской, Нижегородской, Пензенской, Симбирской, Саратовской, Воронежской и Кіевской, всего же волненіе охватило 9 губерній. Крестьяне прекращали работы на своихъ помѣщиковъ, отказывались отъ всякаго повиновенія имъ и мѣстнымъ властямъ, отправляли ходоковъ въ Петербургъ, Москву и губернскіе города и цѣлыми толпами, иногда вооруженными примитивнымъ оружіемъ, устремлялись въ ближайшіе уѣздные и губернскіе города, съ цѣлью записаться тамъ въ ополченіе и заявить высшимъ мѣстнымъ властямъ о поголовномъ своемъ желаніи выступить на защиту вѣры, царя и отечества. Начальство опровергало ложные толки, разъясняло истинный смыслъ манифестовъ, отсылало явившіяся толпы ратниковъ по домамъ (иныхъ за самовольную отлучку арестовывало и наказывало розгами), отправляло воинскія команды для задержанія вновь выступившихъ партій и водворенія ихъ на мѣстахъ жительства (въ послѣднемъ случаѣ дѣло не обходилось безъ столкновеній, убитыхъ и раненыхъ) и пр. и пр. Высшее правительство, встревоженное возникшими волненіями, въ свою очередь предприняло рядъ мѣръ для прекращенія безпорядковъ: военный министръ объявилъ (29 іюня) высочайшее повелѣніе о принятіи строжайшихъ мѣръ для внушенія крестьянамъ истиннаго смысла указа 3 апр.; министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ циркуляръ, въ которомъ разъяснялось, что безъ согласія своихъ господъ помѣщичьи крестьяне не могутъ вступать въ ополченіе; наконецъ, изъ Петербурга были командированы въ нѣкоторыя губерніи генералъ- и флигель-адъютанты для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ и принятія необходимыхъ энергическихъ мѣръ.

Въ большинствѣ случаевъ волненія были подавлены съ помощью войскъ. По прекращеніи безпорядковъ, менѣе виновные подвергались, по распоряженію администраціи, наказанію розгами, а болѣе виновные и зачинщики преданы были суду нарочито учрежденныхъ военно-судныхъ коммиссій, по приговору которыхъ виновнѣйшіе наказаны были шпицрутенами и сосланы въ Сибирь.

Таковъ въ общихъ чертахъ ходъ крестьянскихъ волненій, возникшихъ въ половинѣ 1854 г., усилившихся въ послѣдніе мѣсяцы

царствованія имп. Николая и продолжавшихся съ новой силой въ началѣ слѣдующаго царствованія.

II.

Волненія въ Кіевской губерніи происходили въ мартѣ и апрѣлѣ 1855 г. И здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, ближайшимъ поводомъ для крестьянскаго движенія было своеобразное пониманіе указанныхъ выше манифестовъ, а затѣмъ рядъ тревожныхъ слуховъ. Выслушавъ прочитанное въ церквахъ воззваніе по случаю восточной войны, крестьяне Кіевской губерніи пришли къ мысли, что государь требуетъ отъ нихъ козаковъ. Понимая такъ сущность обнародованнаго манифеста, крестьяне въ порывѣ патріотическаго чувства стремились во многихъ мѣстахъ записаться въ козаки и тѣмъ выразить свою полную готовность пролить кровь за царя. Первый примѣръ въ этомъ направленіи былъ поданъ крестьянами с. Поправки Васильковскаго уѣзда, гдѣ, послѣ прочтенія въ церкви манифеста 14 дек. 1854 г., многіе изъ крестьянъ, умиленные и воодушевленные словами этого манифеста, обратились къ своему священнику съ убѣдительною просьбою заявить, кому слѣдуетъ, что они всѣ, за исключеніемъ стариковъ и дѣтей, „готовы идти на войну за вѣру христіанскую, за честь цареву и за родину". Подобныя же заявленія послѣдовали и отъ крестьянъ многихъ другихъ селъ Васильковскаго, Таращанскаго и иныхъ уѣздовъ, чему отчасти содѣйствовалъ упомянутый случай въ с. Поправкѣ, опубликованный въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ и доведенный затѣмъ нѣкоторыми священниками до свѣдѣнія своихъ прихожанъ, съ приглашеніемъ послѣдовать похвальному примѣру прихожанъ с. Поправки [14]). Какъ бы то ни было, но во многихъ мѣстахъ крестьяне, движимые пока исключительно однимъ патріотическимъ чувствомъ и соревнованіемъ, составляли списки желающихъ посту-

---

[14]) Въ своемъ усердіи такіе священники забывали, что крѣпостные крестьяне не могли располагать своею личностью безъ согласія помѣщика. Въ свою очередь и начальство на первыхъ порахъ относилось ко всѣмъ подобнымъ заявленіямъ крестьянъ, если не сочувственно, то вполнѣ снисходительно, видя въ нихъ лишь похвальное и совершенно неопасное стремленіе, вызванное невиннымъ недоразумѣніемъ.

пить въ козаки и передавали ихъ священникамъ для препровожденія по начальству, сохраняя въ то же время полный порядокъ и спокойствіе. Такъ, однако, продолжалось недолго. Вскорѣ произошелъ рядъ событій, вызвавшій упорный и быстро распространившійся слухъ, что всѣ записавшіеся въ козаки получатъ свободу, что въ этомъ смыслѣ вышелъ царскій указъ, который, однако, скрываютъ отъ народа.

По оффиціальнымъ даннымъ, очагомъ этого слуха было село Оедюковка Таращанскаго уѣзда, а главнымъ виновникомъ его возникновенія дьячекъ Слатвинскій. Дѣло было такъ. Когда въ концѣ февраля или въ началѣ марта 1855 г. старикъ священникъ с. Оедюковки читалъ въ церкви манифестъ 29 янв. о народномъ ополченіи, дьячекъ того же прихода Слатвинскій, неизвѣстно въ силу какихъ побужденій, началъ увѣрять присутствующихъ, что батюшка читаетъ не тотъ указъ, какой слѣдуетъ, что онъ скрываетъ отъ нихъ другой царскій указъ, приглашающій народъ поступать въ козаки и обѣщающій полную свободу всѣмъ, записавшимся въ ихъ число. При этомъ Слатвинскій показывалъ присутствующимъ въ церкви крестьянамъ копію яко-бы съ того указа, о которомъ онъ говорилъ [15]). Незадолго же передъ этимъ случаемъ молодой и неопытный священникъ с. Кирданъ (того же Таращанск. у.), провѣдавъ въ уѣздномъ городѣ о вступленіи на престолъ государя Александра Николаевича и, очевидно, не зная закона, по которому крѣпостные крестьяне не приводятся къ вѣрноподданической присягѣ [16]), поспѣшилъ въ порывѣ неразумнаго усердія привести всѣхъ своихъ прихожанъ къ таковой присягѣ. Извѣстіе о какой-то необычайной присягѣ, учиненной въ с. Кирданахъ, вмѣстѣ съ увѣреніями дьячка Слатвинскаго о существованіи указа на вольность и козачество, совершенно сбило съ толку Оедюковцевъ. Собравшись къ дому своего батюшки, они сперва требовали отъ него подлиннаго указа; затѣмъ, не добившись отъ него искомаго указа, они заставили священника привести ихъ къ присягѣ на вѣрную въ каче-

---

[15]) Впослѣдствіи оказалось, что копія, которою смущалъ крестьянъ дьячекъ Слатвинскій, была не что иное, какъ найденный имъ среди церковныхъ бумагъ списокъ съ указа св. синода 1806 г., излагавшаго манифестъ того же года о призывѣ времен. ополченій или милицій.

[16]) Крестьяне были лишены этого права еще въ прошломъ столѣтіи, а именно манифестомъ 25 ноября 1741 г.

ствѣ козаковъ службу своему государю, о чемъ и былъ составленъ присяжный листъ, подписанный именами всѣхъ крестьянъ с. Оедюковки и скрѣпленный ихъ собственноручными крестами [17]).

Вѣсть о присягѣ въ Кирдапахъ и Оедюковкѣ и молва объ указѣ быстро распространились по сосѣднимъ селеніямъ, а оттуда перешли въ смежные съ Таращанскимъ уѣзды. Всюду, куда доходили слухи о присягѣ и указѣ, крестьяне прекращали всякія работы на помѣщиковъ, требовали у своихъ священниковъ мнимаго указа о свободѣ, заставляли ихъ приводить своихъ прихожанъ къ присягѣ, составляли списки желающихъ идти въ козаки и отправляли эти списки по начальству. Мало по малу крестьянское движеніе охватило слѣдующіе уѣзды: Таращанскій, Васильковскій, Сквирскій, Каневскій, Черкасскій, Кіевскій, Звенигородскій, Чигиринскій и Уманскій. Впрочемъ, не вездѣ движеніе это обнаруживалось съ одинаковой силой. Болѣе сильное волненіе произошло лишь въ первыхъ пяти уѣздахъ, при чемъ въ Васильковскомъ, Сквирскомъ и Каневскомъ у. для подавленія волненій употреблялись въ дѣло военныя команды.

Извѣстіе объ усилившемся движеніи крестьянъ и слухахъ, породившихъ его, заставили генералъ губернатора командировать въ нѣкоторые наиболѣе волнующіеся уѣзды особыя коммиссіи для опроверженія ложныхъ слуховъ и успокоенія крестьянъ. Такъ, въ Таращанскій и Каневскій уѣзды была послана коммиссія, состоявшая изъ подполковника Афанасьева, Бѣлоцерковскаго благочиннаго П. Г. Лебединцева и совѣтника губернскаго правленія Янкуліо. Въ Васильковскій же и Сквирскій уѣзды былъ командированъ генералъ-майоръ Б-въ [18]) съ полномочіемъ, въ случаѣ надобности, употреблять

---

[17]) Въ с. Оедюковкѣ и др. селахъ Таращанскаго уѣзда волненія не достигли такого угрожающаго характера, какъ волненія въ двухъ сосѣднихъ уѣздахъ, главнымъ образомъ благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ. Открытіе источника копіи пресловутаго указа и арестъ Слатвинскаго, котораго мѣстной полиціи удалось схватить и отправить въ Кіевъ вскорѣ послѣ описаннаго случая, въ значительной степени содѣйствовали убѣдительности тѣхъ вразумленій и увѣщаній, которыя были обращены къ мѣстнымъ крестьянамъ подполковникомъ Афанасьевымъ и др. членами посланной въ Таращанскій уѣздъ коммиссіи (см. о ней ниже). Но всѣ эти мѣры были безсильны задержать быстрое распространеніе слуха объ указѣ, впервые пущеннаго въ Оедюковкѣ.

[18]) Полная фамилія этого генерала намъ неизвѣстна.

строгія полицейскія мѣры, для чего и дана ему въ распоряженіе рота солдатъ; впослѣдствіи, въ концѣ марта, въ помощь ему отправлены были начальникомъ края: и. д. губернатора вице-губернаторъ Веселкинъ и состоявшій при генералъ-губернаторѣ майоръ С. Громека, а также еще одна рота солдатъ. Первая коммиссія дѣйствовала вначалѣ довольно успѣшно. Ей удалось прекратить броженіе крестьянъ во многихъ мѣстахъ Таращанскаго и Каневскаго уѣздовъ,— броженіе, вызванное не только ложными слухами, но отчасти и злоупотребленіями помѣщиковъ,—и убѣдить крестьянъ возвратиться къ исполненію своихъ обязанностей, т. е. барщины [19]). Дальнѣйшія событія въ Каневскомъ уѣздѣ вскорѣ показали, однако, что достигнутое коммиссіей успокоеніе было лишь временнымъ, и крестьяне во многихъ мѣстахъ сравнительно легко поддались увѣщаніямъ лишь потому, что рѣшили до поры до времени, или, какъ они выражались, „до певного часу", занять выжидательное положеніе.

Далеко не такъ успѣшно или, вѣрнѣе, совершенно неуспѣшно, дѣйствовалъ на пути мирныхъ переговоровъ генералъ Б-въ, посланный въ Васильковскій уѣздъ. Здѣсь, а также въ многихъ мѣстахъ смежнаго Сквирскаго уѣзда, волненія крестьянъ были гораздо значительнѣе, нежели въ др. уѣздахъ, что объясняется отчасти тѣмъ, что слухи объ указѣ поддерживались въ этомъ районѣ не только молвой о событіяхъ въ с. Оедюковкѣ и с. Кирданахъ, но также и новыми увѣреніями различныхъ дьячковъ о существованіи мнимаго указа. Такими, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, подстрекателями крестьянъ были: въ с. Малой-Сквиркѣ (Сквирск. у.) тамошній дьячекъ Бохемскій [20]), а въ с. Островѣ (Василь. у.) выключенный изъ духовнаго

---

[19]) Убѣдившись въ справедливости нѣкоторыхъ жалобъ на злоупотребленія помѣщиковъ или ихъ экономовъ, коммиссія обѣщала крестьянамъ защиту высшаго начальства и прекращеніе на будущее время различныхъ несправедливостей.—Въ Таращанскомъ уѣздѣ особенно сильное движеніе крестьянъ произошло въ с. Бесѣдкѣ. Движеніе это прекращено было убѣжденіями коммиссіи. До прибытія же этой послѣдней, мѣры, предпринятыя мѣстнымъ исправникомъ, не имѣли никакого успѣха. Исправникъ прибѣгъ между проч. къ такой неудачной мѣрѣ: онъ составилъ изъ помѣщичьей дворни вооруженный отрядъ (его крестьяне обратили въ бѣгство). Мѣра эта, несомнѣнно, содѣйствовала образованію неправильнаго у крестьянъ представленія о высланныхъ противъ нихъ командахъ: во многихъ мѣстахъ правительственныя войска принимались за переодѣтую дворню (см. ниже примѣч. 23).

[20]) Этотъ Бохемскій, по отзыву, данному митрополитомъ Филаретомъ генералъ-губернатору, наиболѣе содѣйствовалъ распространенію ложныхъ слуховъ между крестьянами Сквирскаго уѣзда.

званія дьячекъ Костецкій. Затѣмъ иллюзія крестьянъ поддерживалась здѣсь еще тѣмъ, что священники нѣкоторыхъ селъ, уступая требованію своихъ прихожанъ, послѣдовали примѣру свящ. с. Оедюковки и привели ихъ къ присягѣ на козачество. Наконецъ, какъ оказалось впослѣдствіи, нѣкоторые священники, понуждаемые страхомъ, шли еще дальше; такъ, напр., свящ. с. Яблоновки (Васильковск. у.) Ан. Руткевичъ рѣшился скрѣпить своею подписью и церковной печатью какую-то нелѣпую копію съ мнимаго указа о волѣ [21]). Естественно, что все это должно было довести крестьянъ тѣхъ селъ указаннаго района, гдѣ священники не соглашались приводить своихъ прихожанъ къ присягѣ и отрицали существованіе мнимаго указа о волѣ [22]), до высшаго раздраженія противъ такихъ безсовѣстныхъ и подкупленныхъ, по мнѣнію ихъ, священниковъ. Естественно также, что все указанное выше вмѣстѣ съ постоянной вѣрой въ желаніе царя уничтожить крѣпостное право довело крестьянъ многихъ селъ Васильковскаго и Сквирскаго уѣзд. до полнаго убѣжденія въ существованіи указа о волѣ и до такого упорства, обусловленнаго твердостью этого убѣжденія, что о него, какъ морскія волны о скалу, разбивались всѣ доводы и убѣжденія начальствующихъ лицъ. Мало того. Видя предъ собою различное начальство и военныя команды, слыша угрозы, что въ крайнемъ случаѣ противъ нихъ будетъ употреблена сила оружія, крестьяне во всемъ этомъ не переставали видѣть какой-то маскарадъ, какую-то комедію, учиненную панами-помѣщиками [23]). Такой наивный самообманъ не разрушался иногда

---

[21]) По словамъ свящ. В. Сикорскаго, представленная крестьянами с. Яблоновки свящ. Руткевичу для подписи (и имъ подписанная) копія яко-бы съ указа о волѣ была написана какимъ-то писаремъ и состояла изъ набора самыхъ нелѣпыхъ фразъ. Къ сожалѣнію, поступокъ свящ. Руткевича былъ не единичный. Изъ дѣла о безпорядкахъ въ Каневскомъ уѣздѣ видно, что подобнымъ отчасти образомъ поступилъ и свящ. с. Сытниковъ.

[22]) Такъ, напр., поступили свящ. сс. Березной, Логвина и Антонова (всѣ три Сквирск. у.), за что и подверглись различ. истязаніямъ, которыя были перенесены ими (особливо первымъ изъ нихъ) съ замѣчательной твердостью и съ истинно христіанскимъ смиреніемъ. Еще больше примѣровъ такой твердости было представлено священниками южной части Каневскаго уѣзда, о чемъ рѣчь впереди.

[23]) С. Громека и В. Сикорскій въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываютъ нѣсколько случаевъ, изъ которыхъ видно, что крестьяне такъ глубоко убѣждены были въ существованіи царскаго указа о волѣ, что зачастую сомнѣвались въ подлинности посланнаго къ нимъ начальства и рѣшительно не вѣрили, чтобы выставленное противъ нихъ войско бы-

даже и въ томъ случаѣ, когда угрозы приводились въ исполненіе [24])... Въ тѣхъ же случаяхъ, когда почему-либо сомнѣніе въ подлинности правительственныхъ чиновниковъ не могло возникнуть, крестьяне были твердо убѣждены, что какъ эти чиновники, такъ равно и священники подкуплены панами и дѣйствуютъ съ ними заодно, вопреки волѣ царя. Къ этому прибавляли, что начальство и священники, въ угоду панамъ-помѣщикамъ, имѣютъ въ виду лишь одно: задержать во что бы то ни стало записку крестьянъ въ козаки до истеченія Ѳоминой недѣли, вмѣстѣ съ которой, по убѣжденію крестьянъ, сложившемуся, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ неправильнаго толкованія манифеста о госуд. ополченіи и дальнѣйшихъ о немъ распоряженій, истекалъ и назначенный царемъ срокъ записки въ козаки [25]). Это послѣднее обстоятельство повсемѣстно вызвало самыя сильныя волненія именно на Ѳоминой недѣлѣ [26]), ускорило ходъ событій и довело крестьянъ до сильнѣйшей степени раздраженія, а затѣмъ до кровавой расплаты за свои иллюзіи.

ло дѣйствительно царское войско, а не отряды переодѣтыхъ „ляховъ и жидовъ". Для примѣра приведемъ здѣсь одинъ изъ такихъ случаевъ (съ другимъ познакомимся при описаніи столкновенія въ с. Березной), за дѣйствительность котораго ручается Громека. Когда въ одно изъ селеній Таращанскаго у. явился отрядъ солдатъ, крестьяне тотчасъ послали двухъ верховыхъ въ сосѣднюю деревню, гдѣ стояла артиллерія. Прискакавъ, посланные повалились въ ноги батарейному командиру и умоляли его „позычить громадѣ двѣ пушечки"; на вопросъ же удивленнаго офицера, зачѣмъ имъ пушки, гонцы отвѣчали: „да намъ тильки на часокъ, мы тильки проженемо поганыхъ перебраньцивъ (т. е ряженыхъ, переодѣтыхъ), да заразъ вамъ и привеземо назадъ".

[24]) Напр., послѣ стычки крестьянъ съ солдатами въ с. Березной Сквирск. у. (о чемъ рѣчь впереди) раненые и истекающіе кровью мужья утѣшали плачущихъ своихъ женъ слѣд. наивными словами: *„не журись, жинко, се—глиняна куля* (пуля): *видъ неи не умерты!"* (Эпизодъ этотъ приводитъ въ своихъ воспоминаніяхъ С. Громека, ссылаясь при этомъ на слѣдственное дѣло и свидѣтельскія показанія).

[25]) Въ „Положеніи о порядкѣ составленія госуд. ополченія" былъ назначенъ мѣсячный, съ 1 апр. по 1 мая, срокъ для очереднаго формированія ополченій по губерніямъ (кстати, замѣтимъ здѣсь, что на основаніи этого положенія Кіевская губ. не вошла въ число губерній, назначенныхъ для составленія госуд. ополченія). См. П. С. З. №№ 28992 и 28993.— Съ приближеніемъ Ѳоминой недѣли, во многихъ мѣстахъ Кіевской губ. крестьяне, опасаясь пропустить мнимый срокъ и вслѣдствіе того остаться крѣпостными попрежнему, платили различнымъ писарямъ по нѣскольку рублей за внесеніе своихъ именъ въ составлявшіеся списки ратниковъ.

[26]) Въ 1855 году Пасха приходилась на 27 марта, слѣд. Ѳомина недѣля продолжалась съ 3 по 9 апрѣля включительно.

Теперь для насъ будетъ вполнѣ понятно, почему генералъ Б., посланный въ Васильковскій уѣздъ, не имѣлъ тамъ никакого успѣха въ своихъ переговорахъ съ крестьянами. Потерявъ всякую надежду убѣдить крестьянъ, твердившихъ одно и то же, а именно, что они на панщину идти не хотятъ, а желаютъ всѣ до одного „проливать кровь за царя", что они не повѣрятъ никакимъ уговорамъ, пока имъ самъ царь „не отпишетъ резолюціи" и т. п.,—генералъ вытребовалъ изъ Кіева къ себѣ на помощь еще одну роту солдатъ и рѣшился прибѣгнуть къ энергическимъ способамъ воздѣйствія, къ традиціонной экзекуціи. Такая экзекуція и была произведена 1 апрѣля въ с. Быковой-Греблѣ (Васильковск. у.), гдѣ пребывалъ въ то время генералъ, и куда стекались толпы крестьянъ изъ окрестныхъ селъ, между прочимъ изъ сс. Острова, Бирюковъ, Кожанки, Насташки и мн. др. Толпы эти съ хлѣбомъ-солью сходились въ с. Быкову-Греблю подъ вліяніемъ (какъ это выяснилось два мѣсяца спустя, при производствѣ формальнаго слѣдствія въ Васильковскомъ уѣздѣ)[27]) распространившихся среди мѣстныхъ крестьянъ слуховъ, что въ Быкову-Греблю съѣдется все начальство вмѣстѣ съ владѣльцемъ Бѣлоцерковскаго имѣнія[28]) гр. Браницкимъ и тамъ, въ Быковой-Греблѣ, прочтутъ „указъ и рѣшеніе царя".

По приказанію генерала, первая прибывшая толпа крестьянъ послѣ краткихъ объясненій была заключена внутри экономическаго двора, окружена ротой солдатъ и подвергнута тѣлесному наказанію. Пока производилась во дворѣ полицейская расправа, другая рота солдатъ стояла подъ ружьемъ на площади, передъ воротами двора, съ цѣлью не допускать туда слѣдующей вновь прибывшей толпы крестьянъ. Въ это самое время пріѣхали изъ Кіева вице-губернаторъ Веселкинъ и майоръ Громека, которые, ни мало не медля, и

---

[27]) Показанія, данныя крестьянами при этомъ слѣдствіи, приведены м. Громекой въ его воспоминаніяхъ.

[28]) Въ 50-хъ и 60-хъ годахъ въ составъ этого имѣнія, принадлежавшаго братьямъ гр. Браницкимъ и занимавшаго громадную площадь съ населеніемъ болѣе 100,000 чел. правосл. вѣроиспов., входили: $^2/_3$ Васильковскаго уѣзда (въ томъ числѣ упомянутые здѣсь, выше и ниже, сс.: Поправка, Быкова-Гребля, Кожанка, Бирюки, Островъ, Насташки, Пивни, Яблоновка и Трушки), по $^1/_3$ Таращанскаго и Каневскаго, $^1/_4$ Звенигородскаго и значительныя части въ Черкасскомъ и Радомысльскомъ уѣздахъ. См. Похилевича „Сказанія о населен. мѣстностяхъ Кіевской губ." (К., 1864 г.), стр. 489—496 и слѣд.

обратились съ увѣщаніями къ толпѣ крестьянъ, безмолвно стоявшихъ на площади безъ шапокъ и на колѣняхъ. Увѣщанія эти, однако, не имѣли никакого успѣха.

Видя безполезность своихъ ожиданій и желая, по всей вѣроятности, положить конецъ производившейся во дворѣ расправѣ, толпа крестьянъ, смирно дотолѣ стоявшая на площади, вдругъ поднялась на ноги и двинулась во дворъ. Напирая на роту, заграждавшую входъ туда, невооруженные крестьяне хватались голыми руками за солдатскіе штыки, вырывали и мяли ихъ... Рота дала залпъ... Когда пороховой дымъ разсѣялся, оказалось, что крестьяне бѣжали, оставивъ на площади 12 человѣкъ убитыхъ и тяжело-раненыхъ... Это было первое въ Кіевской губерніи и, къ счастью, послѣднее въ Васильковскомъ уѣздѣ кровопролитіе. Вновь прибывающія съ цѣлью выслушать въ Быковой-Греблѣ царскій указъ, попрежнему безоружныя толпы крестьянъ, молча и съ преклоненными (по приказанію начальства) колѣнями, выслушивали вмѣсто желаннаго указа неубѣдительныя увѣщанія и, подъ давленіемъ событій дня, приносили повинную. Затѣмъ нѣкоторые крестьяне подвергались тѣлесному наказанію, вожаки пришедшихъ громадъ арестовывались, а всѣ прочіе отсылались по домамъ.

Составивъ донесеніе генералъ-губернатору обо всемъ случившемся и принявъ хлѣбъ-соль отъ повинившихся громадъ, все съѣхавшееся въ Быковой-Греблѣ начальство отправилось на слѣдующій день (2 апр.) въ с. Яблоновку (Васильковскаго уѣзда), куда должна была прибыть изъ Таращи еще одна (третья) рота солдатъ. Пока начальство собирало бѣжавшее въ лѣсъ и скрывшееся тамъ населеніе с. Яблоновки, а затѣмъ принимало отъ него повинную, пришла тревожная вѣсть о скопищахъ народа въ с. Трушкахъ (Васильковск. у.), принадлежавшихъ къ составу того же Бѣлоцерковскаго (гр. Браницкихъ) имѣнія, и получилось донесеніе Сквирскаго исправника о сильномъ волненіи въ с. Березной (смежн. Сквирск. уѣзда). Въ виду этихъ извѣстій, собравшаяся коммиссія должна была раздѣлиться: майоръ Громека и Васильковскій исправникъ съ одной ротой командированы были въ с. Трушки, а самъ вице-губернаторъ Веселкинъ съ двумя другими ротами (подъ командой генерала) отправился въ Сквирскій уѣздъ въ с. Березную. Въ Березной

же до прибытія управляющаго губерніей дѣло находилось въ такомъ положеніи.

Вѣсть объ указѣ и о принесенной крестьянами многихъ селъ Таращанскаго и Васильковскаго уѣздовъ присягѣ проникла въ с. Березную къ концу страстной недѣли. Народъ заволновался, но пока удерживался отъ всякихъ насилій противъ своего батюшки, благочиннаго Василія Сикорскаго. Этотъ же послѣдній, узнавъ въ страстную пятницу, что его родственникъ, священникъ с. Логвина (Сквирск. у.), арестованъ своими прихожанами, требовавшими отъ него указа и привода ихъ къ присягѣ, отправился въ Логвинъ вмѣстѣ съ Сквирскимъ исправникомъ для увѣщеванія тамошнихъ крестьянъ, но былъ ими задержанъ. Узнавъ о заключеніи своего священника и не желая встрѣтить праздникъ безъ церковнаго служенія, крестьяне с. Березной отправились въ с. Логвинъ, освободили священника и съ нимъ вернулись домой какъ разъ къ заутрени. На первый день праздника (27 марта) крестьяне с. Березной, по обычаю поздравившіе утромъ своего помѣщика [29]), по отказавшіеся на этотъ разъ отъ предложенныхъ имъ помѣщикомъ по случаю праздниковъ нѣсколькихъ ведеръ водки, были вновь взволнованы полученнымъ въ этотъ же день извѣстіемъ, что въ с. Яблоновкѣ (верстъ 20 отъ Березной) священникъ не только привелъ своихъ прихожанъ къ присягѣ, но и скрѣпилъ своею подписью полученную ими отъ какого-то писаря копію съ мнимаго указа. Это извѣстіе было послѣдней каплей, переполнившей чашу. Удостовѣрившись въ справедливости его, крестьяне Березной стали приступать къ своему священнику съ требованіемъ выдать имъ указъ или, по крайней мѣрѣ, записать ихъ въ козаки и по составленному списку привести къ присягѣ. Получивъ рѣшительный отказъ въ томъ и другомъ и объяснивъ себѣ этотъ отказъ крайнимъ упорствомъ и гнусной измѣной своего батюшки, крестьяне рѣшили принудить его къ выдачѣ указа

---

[29]) Въ описываемое время с. Березна принадлежала Казиміру Подгорскому, который счелъ за лучшее выѣхать на Святой въ уѣзд. городъ (Сквиру) и тамъ дождаться окончанія волненій.

болѣе крутыми мѣрами: съ третьяго дня праздниковъ они держали свящ. Сикорскаго подъ стражей и морили голодомъ. Затѣмъ, чтобы уличить священника своего во лжи и недобросовѣстности, громада с. Березной водила его въ с. Яблоновку, гдѣ тамошніе крестьяне ликовали по случаю приведенія ихъ къ присягѣ (на козачество) и обладанія копіей освободительнаго указа. Хотя В. Сикорскому и удалось доказать нелѣпость и подложность этой копіи, но образумить тѣмъ своихъ прихожанъ онъ былъ уже не въ состояніи [30]). По возвращеніи домой, Березненская громада, убѣжденная окончательно въ измѣнѣ и упрямствѣ своего священника, заперла его въ колокольнѣ и отъ времени до времени стала подвергать его различнымъ истязаніямъ [31]), съ цѣлью сломить упорство священника и принудить его исполнить ихъ требованіе относительно указа и присяги. Той же участи подверглись также и священники сс. Логвина и Антонова, приведенные своими прихожанами въ с. Березную [32]). Туда же прибыли, наконецъ, громады сс. Петрашевки и Бѣліевки, но безъ священниковъ. Такимъ образомъ Березная сдѣлалась сборнымъ пунктомъ, куда изъ различныхъ окрестныхъ селъ собралось около двухъ тысячъ крестьянъ, что съ мѣстнымъ населеніемъ составило толпу отъ 4-хъ до 5-ти тысячъ человѣкъ.

Прибывъ 4 апрѣля съ 2 ротами солдатъ въ с. Березную и заставъ тамъ соединенныя громады нѣсколькихъ селъ, вице-губернаторъ попытался сперва уговорить крестьянъ принести повинную и

---

[30]) Плохую въ этомъ случаѣ услугу свящ. Сикорскому оказалъ упомянутый уже выше діаконъ с. М.-Сквирки Бохемскій. По словамъ В. Сикорскаго, этотъ діаконъ обратился къ нему въ Яблоновкѣ при крестьянахъ съ слѣд. совѣтомъ: „О. благочинный! пожалѣйте себя; довольно съ васъ, вы уже не похожи на себя; объявите имъ ихъ добро, пусть болѣе не мучатъ васъ!... Дайте имъ грамоту объ ихъ вольности". Діакона поддержалъ и оставной унтеръ-офицеръ, который заявилъ, что онъ служилъ въ самомъ царскомъ дворцѣ и навѣрное знаетъ, что указъ о волѣ вышелъ еще три года тому назадъ.

[31]) Каковы были эти истязанія, съ этимъ мы познакомимся ниже, при описаніи волненій въ Каневскомъ уѣздѣ.

[32]) Упомянутыхъ священниковъ держали въ заключеніи и подвергали различнымъ истязаніямъ порознь, потомъ свели ихъ вмѣстѣ и вновь обратились къ нимъ съ требованіемъ привести своихъ прихожанъ къ присягѣ на увольненіе отъ крестьянства и причисленіе къ свободнымъ козакамъ; свое обращеніе крестьяне, по словамъ Сикорскаго, закончили такъ: „Сдѣлайте по нашему, мы васъ освободимъ и будемъ попрежнему вамъ послушны; а не захотите,—миловать васъ больше не станемъ. То пустое, что мы вамъ дѣлали; насъ, женъ нашихъ и дѣтей горше мучили и терзали паны".

разойтись. Съ этой цѣлью черезъ становаго пристава приглашена была для переговоровъ депутація отъ крестьянъ. Депутаты явились, поднесли хлѣбъ-соль, спокойно выслушали всѣ доводы начальства и въ заключеніе рѣшительно объявили, что они ничего не хотятъ слышать о панахъ и къ барщиннымъ работамъ болѣе не возвратятся [33]). Получивъ такой неутѣшительный отвѣтъ и рѣшившись занять болѣе выгодное въ стратегическомъ отношеніи положеніе, начальство приказало воинской командѣ двинуться, въ боевомъ порядкѣ и съ заряженными ружьями, въ помѣщичій дворъ. Но едва команда приблизилась къ площади, запруженной народомъ, раздался ударъ въ набатъ, и въ ту же минуту толпа, частью вооруженная кольями, бросилась съ крикомъ „ура" на отрядъ солдатъ. Послышалась офицерская команда, за нею раздался залпъ. Передніе ряды крестьянъ припали къ землѣ, затѣмъ быстро поднялись на ноги и съ такой же быстротой кинулись къ солдатамъ, съ цѣлью отнять у нихъ ружья. Переднія шеренги ротъ присѣли и встрѣтили натискъ штыками, а заднія дали новый залпъ, за нимъ другой... Скоро все обратилось въ бѣгство. Ожесточенные солдаты преслѣдовали бѣгущихъ крестьянъ, кололи ихъ штыками и били ружейными прикладами [34])... Масса народа, чтобы избавиться отъ преслѣдованія, бросалась въ рѣку Березянку, бывшую тогда въ разливѣ, и спасалась вплавь. Нѣсколько же сотъ бѣгущихъ крестьянъ, а въ томъ числѣ церковный староста, загнаны были солдатами въ церковную ограду.

По оффиціальному донесенію, убитыхъ крестьянъ оказалось 20, а раненыхъ 40. Но по единогласному показанію майора Громеки и свящ. Сикорскаго, тѣхъ и другихъ, какъ и слѣдовало ожидать, было много больше [35]). Независимо отъ того, что оффиціальное число уби-

---

[33]) Вернувшихся депутатовъ крестьяне тотчасъ же окружили, спрашивая, дѣйствительно ли прибывшая въ Березну особа—губернаторъ, а отрядъ съ нимъ—царское войско. „Якій тамъ губернаторъ, отвѣчали депутаты: се жидъ—Крохмаль, а зъ нимъ, за генерала, старый шляхтичь изъ Билои-Церкви". „О, коли такъ, закричала толпа. не поддаймось, хлопци, —нехай насъ не зачинають!" Эпизодъ этотъ передаютъ и м. Громека и свящ. Сикорскій почти одинаково.

[34]) „Солдаты долго не слушали отбоя"... говоритъ м. Громека въ своихъ воспоминаніяхъ. —Замѣтимъ, что изъ воинской команды никто не былъ ни убитъ, ни раненъ.

[35]) О раненыхъ свящ. Сикорскій говоритъ, что ихъ было „безчисленное множество". Каковы же были между проч. иныя раны, это видно изъ слѣдующаго: „Два человѣка, говоритъ

тыхъ и раненыхъ, бывшихъ налицо, несомнѣнно уменьшено, слѣдуетъ взять во вниманіе, что въ это число во всякомъ случаѣ не могли войти тѣ слабо и тяжело раненые, которые спасались вплавь черезъ рѣку и погибали въ ея весеннихъ волнахъ; а такихъ раненыхъ, судя по ходу дѣла, должно было быть весьма не мало.

Чтобы закончить описаніе событій въ с. Березной, остается еще сказать о тѣхъ полицейскихъ мѣрахъ, которыя употреблены по приказанію вице-губернатора Веселкина. Всѣ захваченные въ церковной оградѣ крестьяне были переведены въ помѣщичій дворъ и тамъ пересѣчены розгами, начиная съ церковнаго старосты. Покончивъ къ вечеру того же дня расправу и отдавъ необходимыя приказанія Сквирскому исправнику, управляющій губерніей немедленно выступилъ съ своими войсками изъ с. Березной въ предѣлы Васильковскаго уѣзда, въ с. Трушки.

Почти въ то самое время, когда въ с. Березной собравшіеся тамъ крестьяне такъ дорого расплачивались за свое желаніе получить мнимый указъ о волѣ и идти козаками противъ тѣснившихъ православную Русь „трехъ нехристей",—въ с. Трушкахъ, куда также собралось мужское населеніе нѣсколькихъ окрестныхъ деревень, двухтысячная толпа крестьянъ встрѣчала съ обнаженными головами и хлѣбомъ-солью майора Громеку. Этотъ послѣдній, оставивъ приведенную роту при входѣ въ село, подошелъ вмѣстѣ съ Васильковскимъ исправникомъ къ толпѣ, собравшейся вокругъ церкви, и обратился къ крестьянамъ съ увѣщаніями. Какъ ни старался, однако, майоръ Громека опровергнуть волновавшіе крестьянъ слухи, какими мрачными красками ни рисовалъ того, что ожидаетъ ихъ въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, ссылаясь при этомъ на событія въ Быковой-Греблѣ,—все это не производило никакого, повидимому, впечатлѣнія на толпу. На всѣ представленные доводы былъ лишь одинъ отвѣтъ: „дѣлайте, что хотите, а на панщину не пойдемъ, пока царь не пришлетъ намъ резолюціи на наше прошеніе" [36]).

тотъ же священникъ: чужіе, не изъ моего прихода, шли черезъ мое подворье къ рѣкѣ, неся на рукахъ вывалившіяся свои внутренности и, войдя въ воду, тамъ и умерли".

[36]) Особенный энтузіазмъ, по словамъ Громеки, обнаруживали женщины. Обнажая свою грудь, онѣ восклицали: „Стрѣляйте сюда; мы всѣ готовы умереть до послѣдней, но, пока живы, кромѣ царя, никому служить не станемъ!"

Въ теченіе дня майоръ Громека нѣсколько разъ возобновлялъ свои переговоры съ крестьянами, но всякій разъ они попрежнему не имѣли никакого успѣха. Толпа явно показывала, что не вѣритъ разсказу о событіяхъ въ Быковой-Греблѣ [37]), и даже очевидно колебалась въ рѣшеніи вопроса, дѣйствительно ли м. Громека присланъ отъ главнаго начальника края [38]). Съ своей стороны, собравшіеся крестьяне съ жаромъ и довольно убѣдительно доказывали Громекѣ, что хотя они не сойдутъ съ мѣста, пока не будетъ объявленъ имъ царскій указъ, тѣмъ не менѣе они „не бунтовщики", ибо, во 1-хъ, соблюдаютъ порядокъ и не грабятъ помѣщичьяго имущества, во 2-хъ, запечатали кабаки и не пьянствуютъ, а въ 3-хъ явились безоружными [39]). Свою рѣчь крестьяне заканчивали возгласами, подхватываемыми всей толпой: „желаемъ служить царю до послѣдней капли крови!"; „Богу и государю—и больше никому!" и т. п.

Убѣдившись въ безполезности всѣхъ своихъ увѣщаній и не желая въ то же время прибѣгать до поры до времени ни къ какимъ крутымъ мѣрамъ, м. Громека рѣшился дожидаться прибытія изъ Березной вице-губернатора Веселкина. Къ тому же и сами крестьяне объявили м Громекѣ, что будутъ спокойно ожидать высшаго начальства Это послѣднее не заставило себя долго ждать Управляющій губерніей съ двумя ротами солдатъ прибылъ въ с. Трушки на слѣдующій день (5 апрѣля) рано утромъ.

Послѣ необходимаго отдыха, всѣ три роты построились къ аттакѣ и съ барабаннымъ боемъ, въ сопровожденіи начальства въ полной парадной формѣ, двинулись къ церкви, вокругъ которой сосредоточился весь собравшійся крестьянскій людъ. Смущенная тор-

---

[37]) Вѣсть объ этихъ событіяхъ пришла къ крестьянамъ, собравшимся въ Трушкахъ, еще 1 апрѣля. Ее принесли крестьяне, посланные въ Быкову-Греблю на развѣдку, а въ числѣ ихъ сынъ атамана громады. Но толпа, собравшаяся въ Трушкахъ, не повѣрила разсказу и назвала своихъ развѣдчиковъ измѣнниками; не повѣрилъ также и отецъ родному сыну, несмотря на всѣ его клятвы.

[38]) Этотъ вопросъ заданъ былъ крестьянамъ самимъ Громекой. Одни отвѣчали: „вѣримъ", а другіе—„не вѣримъ".

[39]) Крестьяне говорили правду. Толпа крестьянъ, по свидѣтельству Громеки, все время соблюдала полный порядокъ, не брала въ ротъ ни капли водки, сохраняла вѣжливость по отношенію ко всѣмъ властямъ, назначала караулы для охраненія помѣщичьихъ амбаровъ, отряжала сотскаго для исполненія приказаній исправника и т. п.

жественностью обстановки и боевымъ видомъ войска, толпа не выдержала и бѣжала. Захваченные крестьяне, въ числѣ 500 человѣкъ, подверглись обычной экзекуціи, а затѣмъ были отпущены по домамъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, взятыхъ подъ арестъ.

Такъ закончилась послѣдняя въ Васильковскомъ уѣздѣ попытка крестьянъ добиться отъ начальства указа о вольности. Вѣсть о кровопролитіи и экзекуціи въ Быковой-Греблѣ, Березной и Трушкахъ, быстро разнесшаяся по окрестнымъ селамъ и деревнямъ, если не совсѣмъ еще поколебала слѣпую вѣру крестьянъ въ существованіе царскаго указа [40]), то, по крайней мѣрѣ, заставила ихъ тщательно избѣгать на дальнѣйшее время всякихъ массовыхъ сборищъ и новыхъ попытокъ добиться желаннаго указа. Впрочемъ, для водворенія окончательнаго порядка и успокоенія умовъ въ Сквирскомъ и Васильковскомъ уѣздахъ былъ оставленъ м. Громека, а съ нимъ на всякій случай оставлена была и значительная военная команда. Команда расположилась въ главномъ центрѣ волненій того района, въ с. Березной, откуда м. Громека совершалъ экскурсіи по окрестнымъ селамъ, съ цѣлью личными объясненіями и убѣжденіями прекратить всякое броженіе умовъ и предотвратить поводы для возникновенія новыхъ волненій.

Мало по малу положеніе дѣлъ въ Сквирскомъ, Васильковскомъ и Таращанскомъ уѣздахъ приняло мирное теченіе, и броженіе по-

---

[40]) Изъ предписанія, посланнаго Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ м. Громекѣ и приведеннаго полностью этимъ послѣднимъ въ своемъ разсказѣ, видно, что даже послѣ описанныхъ выше происшествій вѣра крестьянъ въ существованіе указа о волѣ еще не исчезла. Не довѣряя мѣстнымъ властямъ и членамъ коммиссій, крестьяне посылали своихъ депутатовъ къ начальнику края. Такъ, по словамъ генералъ-губернатора, 5 апрѣля являлись къ нему крестьяне с. Петрашевки и Гайворона (Сквирск. уѣзда), а 6-го крестьяне с. Бѣліевки (того же уѣзда). Начальникъ края увѣщевалъ явившихся крестьянъ сидѣть смирно и не вѣрить никакимъ слухамъ, ибо, если бы былъ какой-либо царскій указъ, то его никто не могъ скрыть, на самомъ же дѣлѣ никакого указа о волѣ или о поголовномъ ополченіи не было. Крестьяне же с. Бѣліевки, явившіеся къ генералъ губернатору съ прошеніемъ, подписаннымъ между проч. приходскимъ священникомъ, были, кромѣ того, отправлены для увѣщанія къ намѣстнику лавры, который вразумлялъ крестьянъ, для бо́льшаго впечатлѣнія, въ церкви предъ открытымъ евангеліемъ и крестомъ.—Сообщая все это м. Громекѣ, начальникъ края рекомендуетъ ему „употреблять воинскую силу съ крайней осторожностью, дабы отнюдь не могло повториться того, что происходило въ Березной“ (предписаніе отъ 7 апрѣля за № 2532).

степенно улеглось. Всѣмъ казалось, что крестьянскія волненія въ Кіевской губ. потушены уже окончательно. Началась оффиціальная переписка о производствѣ уголовнаго слѣдствія для выясненія истинныхъ причинъ крестьянскихъ волненій.... Вскорѣ однако событія, происшедшія въ южной части Каневскаго уѣзда, показали всю преждевременность этой переписки и заставили генералъ-губернатора и прочихъ властей немедленно перенести свою дѣятельность по водворенію порядка на новую арену.

III.

Въ Каневскомъ уѣздѣ, какъ и во многихъ другихъ уѣздахъ Кіевской губерніи, манифесты 14 дек. 1854 г. и 29 янв. 1855 г. крестьяне приняли за поголовный вызовъ въ ополченіе. Вскорѣ затѣмъ и здѣсь также распространился упорный слухъ о Высочайшемъ указѣ, призывающемъ крестьянъ въ козаки и дарующемъ имъ свободу. Слухъ этотъ проникъ сюда изъ сосѣднихъ уѣздовъ—Таращанскаго и Васильковскаго, гдѣ, какъ намъ уже извѣстно, онъ не только впервые возникъ, но и достигъ, благодаря безтактности мѣстнаго духовенства и, отчасти, мѣстной администраціи, особеннаго развитія. Быстротѣ же, съ какою указанный слухъ проникъ отсюда въ Каневскій уѣздъ (а проникъ онъ уже въ мартѣ), содѣйствовало, конечно, близкое сосѣдство этого уѣзда съ двумя названными выше, а въ частности—та вотчинная связь, которая существовала между смежными частями всѣхъ трехъ уѣздовъ, и которая, такъ сказать, стирала пограничные знаки, отдѣляющіе одну административную единицу отъ другой. Дѣло въ томъ, что юго-восточная часть Васильковскаго уѣзда и сѣверо-восточная Таращанскаго, гдѣ впервые возникли серьезныя недоразумѣнія, вмѣстѣ съ западной частью Каневскаго уѣзда входили въ составъ одного громаднаго, тянувшагося почти безъ всякихъ промежутковъ, имѣнія, принадлежавшаго гр. Браницкимъ [1]). Это послѣднее обстоятельство лучше всего объясняетъ ту быстроту, съ какою слухи о призывѣ въ козаки и о волѣ облетѣли громадное пространство въ нѣсколько уѣздовъ, всюду породивъ одни и тѣ же послѣдствія.

---

[1]) См. выше примѣч. 28.

Неясные, темные и робкіе вначалѣ слухи, проникшіе въ Каневскій уѣздъ и нашедшіе тамъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, благопріятную почву для своего дальнѣйшаго развитія, постепенно комбинировались, постепенно пополнялись и укрѣплялись новыми извѣстіями и различными комментаріями. Прошло нѣкоторое время, и убѣжденіе крестьянъ въ существованіи указа о волѣ созрѣло окончательно. Мало того: крестьянамъ стала достовѣрно извѣстна даже внѣшняя форма желаннаго указа, несмотря на то, что его никто не видѣлъ собственными глазами. Говорили, что указъ этотъ украшенъ крестомъ и золотыми орлами и скрѣпленъ такими же печатями [2])... Итакъ—думали крестьяне,—указъ есть, онъ уже присланъ для прочтенія, а его межъ тѣмъ не объявляютъ. Очевидно, что указъ скрываютъ отъ народа священники; скрываютъ же они его потому, что щедро подкуплены панами-помѣщиками, для которыхъ этотъ указъ, конечно, крайне невыгоденъ... Такъ крестьяне Каневскаго уѣзда пытались объяснить себѣ странную медленность въ обнародованіи существующаго, по ихъ убѣжденію, указа о волѣ и такимъ путемъ пришли къ убѣжденію въ „измѣнѣ“ и подкупленности своихъ священниковъ, что̀, въ свою очередь, не замедлило повлечь за собою рядъ горькихъ испытаній для мѣстнаго духовенства [3])...

На первыхъ порахъ броженіе крестьянскихъ умовъ въ Каневскомъ уѣздѣ не возбуждало ничьихъ серьезныхъ опасеній [4]). Въ раз-

---

[2]) Впрочемъ, относительно формы указа въ различныхъ мѣстахъ существовали различныя представленія. Такъ, въ Таращанскомъ и Васильковскомъ уѣздахъ крестьяне требовали у священниковъ „указа, що, съ зализомъ у руци, съ хрестомъ у сердци, зове насъ до себе“ (ср. съ извѣстными словами маниф. 14 декабря); въ Черкасскомъ же у. крестьяне жаждали найти указъ, на которомъ „лежитъ золотая рука царя“.

[3]) Такимъ образомъ, въ Каневскомъ у. обвиненіе „въ измѣнѣ“ пало не на чиновниковъ, какъ это было въ Васильковскомъ и Сквирскомъ уѣзд. (припомнимъ, что, по убѣжденію крестьянъ, дѣйствовавшее тамъ начальство было или подкуплено помѣщиками, или даже выставлено этими послѣдними), а обрушилось исключительно на однихъ священниковъ. Объясняется это во 1-хъ тѣмъ, что въ Каневскомъ у. въ самый разгаръ тамошнихъ волненій не было ни войскъ, ни высшаго начальства (оно, какъ мы знаемъ, устремило все свое вниманіе на Таращанскій, Васильковскій и Сквирскій уѣзды), а во 2-хъ тѣмъ, что священники волнующихся селъ Каневск. у. давали рѣшительный отпоръ требованіямъ крестьянъ и не соглашались ихъ приводить къ присягѣ или идти на др. компромиссы, какъ это дѣлалось во многихъ приходахъ Таращанск. Васильковск. и Сквирскаго уѣздовъ.

[4]) Мы уже упоминали раньше, что коммиссія, состоявшая изъ подполк. Афанасьева, Якуліо и свящ. П. Г. Лебединцева, побывала между прочимъ и въ Каневскомъ уѣздѣ.

личныхъ селахъ крестьяне, не переходя къ открытой формѣ волненій и попрежнему отбывая панщину, собирались на сходы, толковали о призывѣ въ козаки, о волѣ, посылали развѣдчиковъ въ сосѣднія имѣнія или села, усердно составляли на сходахъ списки желающихъ поступить въ ряды будущихъ козаковъ и всячески стремились довести эти списки до свѣдѣнія губернскаго начальства. Составляя списки и отправляя ихъ въ Кіевъ, крестьяне полагали, что оттуда списки пойдутъ прямо къ царю, что царь, узнавъ изъ этихъ списковъ о желающихъ сражаться за него и отечество, вытребуетъ ихъ отъ помѣщиковъ, и что такимъ образомъ стачка священниковъ и пановъ не приведетъ ни къ какимъ результатамъ. Для доставленія генералъ-губернатору составленныхъ списковъ и коллективныхъ прошеній, въ которыхъ заявлялась готовность идти, въ случаѣ надобности, всѣмъ поголовно на защиту вѣры и царя, выбирались депутаты; выбранные депутаты снабжались необходимыми инструкціями, деньгами на дорогу и т. п.

Но такой путь, хотя и вѣрный, казался слишкомъ продолжительнымъ, а между тѣмъ жажда поскорѣе узнать о желанной свободѣ, несомнѣнно уже дарованной, но еще никѣмъ не объявленной, была слишкомъ велика. Къ тому же приближалась роковая Ѳомина недѣля, а съ нею—говорила молва,—истекаетъ послѣдній срокъ записки въ козаки[5]). Дѣло можно ускорить и всѣ недоумѣнія разрѣшить, если принудить такъ или иначе, добромъ или силой, какого-либо изъ священниковъ выдать припрятанный указъ.

Первые опыты въ этомъ направленіи производились довольно робко. Вскорѣ однако нетерпѣніе добиться искомаго указа достигло кульминаціонной точки, страсти разгорѣлись, и крестьяне отъ полупросьбъ, полу-требованій выдать имъ ихъ „добро“[6]), мало по малу, перешли къ угрожающимъ демонстраціямъ, къ побоямъ, издѣвательству и всяческимъ истязаніямъ своихъ священниковъ: ихъ водили

Успокоивъ кой-гдѣ крестьянъ и не замѣтивъ здѣсь пока ничего серьезнаго, коммиссія отправилась въ Васильковскій уѣздъ. Она прибыла въ Трушки и соединилась тамъ со второй коммиссіей какъ разъ въ то время, когда дѣла въ Каневскомъ у. неожиданно приняли опасный оборотъ.

[5]) Объ этомъ см. выше, прим. 25.

[6]) Такъ повсюду въ Кіевской губ. крестьяне называли искомый указъ.

въ церкви и заставляли тамъ перерывать и читать различныя церковныя бумаги, запирали въ колокольняхъ и церквахъ, били, раздѣвали, заставляли ходить по колючимъ травамъ босыми ногами, ставили на нѣсколько часовъ въ воду, сажали въ свиные хлѣвы и подвергали инымъ истязаніямъ, изобрѣтеннымъ фантазіей людей, дошедшихъ до послѣдней степени раздраженія [7]). Надо отдать честь священникамъ Каневскаго уѣзда, на долю которыхъ выпала тяжелая обязанность бороться съ упорнымъ заблужденіемъ своихъ прихожанъ: достовѣрно извѣстно, что большинство изъ нихъ, не кривя душой, переносили терпѣливо всякія издѣвательства и побои, не переставая при этомъ твердить, что никакого указа о волѣ не было и нѣтъ [8]).

Открытое волненіе въ Каневскомъ уѣздѣ произошло прежде всего, а именно еще до наступленія страстной недѣли, въ м. Мед-

---

[7]) Справедливость требуетъ замѣтить при этомъ, что семейства священниковъ, ихъ жены и дѣти, не раздѣляли участи своихъ мужей и отцовъ: онѣ всюду остались неприкосновенными; кромѣ того, сами священники, несмотря на все раздраженіе противъ нихъ крестьянъ, не получили какихъ-либо увѣчій, ранъ или иныхъ поврежденій здоровья и не только не лишились способности къ труду, но и вообще не пострадали такъ, чтобы, подкрѣпивъ свои силы отдыхомъ и пищей, не могли исполнять своихъ обычныхъ занятій и обязанностей тотчасъ же послѣ освобожденія своего изъ рукъ крестьянъ. Это видно не только изъ оффиціальныхъ данныхъ (крестьяне, напр., обвинялись только въ *оскорбленіяхъ* своихъ священниковъ), но даже изъ воспоминаній самихъ потерпѣвшихъ (свящ. Сикорскаго и Ковальскаго).—Замѣтимъ, кстати, что истязаніе священниковъ во время волненій въ Кіевской губ. не было явленіемъ новымъ или чуждымъ друг. мѣстностямъ Россіи. Извѣстно, напр., что во время волненій крестьянъ въ Оренбургской губ. въ 1843 г. („волненіе распространилось на 200 верстъ между 40000 чел.") различнымъ и при томъ болѣе жестокимъ истязаніямъ подверглись не только сельскія власти, но и священнослужители. См. Варадинова „Исторію Мин. Вн. Дѣлъ", III, 3, стр. 62—63.

[8]) Это выгодно отличаетъ ихъ отъ весьма многихъ священниковъ Таращанскаго и Васильковскаго уѣздовъ (отрадное исключеніе представляютъ здѣсь лишь свящ. Сикорскій и его товарищи по заключенію),—священниковъ, которые сохранили свое спокойствіе цѣною незаконныхъ поступковъ: приводомъ крестьянъ къ присягѣ на козачество и т. п. Такой образъ дѣйствій, какъ извѣстно, способствовалъ развитію и укрѣпленію ложныхъ слуховъ, что, въ свою очередь, повлекло за собою печальную развязку для крестьянъ. Конечно, и въ Каневскомъ у. были исключенія изъ указан. общаго правила. Впрочемъ, намъ извѣстенъ лишь одинъ такой случай: изъ дѣла, находящагося въ нашемъ распоряженіи, видно, что свящ. с. Ситниковъ Ив. Чернодубравскій написалъ и переслалъ черезъ крестьянъ записку свящ. с. Выграева Ив. Загродскому, въ которой рекомендовалъ этому послѣднему выдать своимъ крестьянамъ требуемый указъ о волѣ. Нужно ли прибавлять, какія имѣла послѣдствія эта записка.

винѣ и въ с. Карапишахъ, а затѣмъ, на страстной недѣлѣ, въ с. Мироновкѣ [9]). Впрочемъ, въ указанныхъ мѣстахъ волненіе не успѣло разростись и вскорѣ, повидимому, совершенно прекратилось [10]). Такъ, напр., въ с. Мироновкѣ крестьяне обратились къ своему священнику (Антонію Ковальскому) съ требованіемъ выдать присланный указъ на вольность; когда же священникъ категорически отвѣтилъ, что, кромѣ уже давно извѣстныхъ имъ *инвентарныхъ правилъ* (они были и на этотъ разъ прочтены), никакихъ новыхъ распоряженій относительно крестьянъ, а въ томъ числѣ и указа о волѣ, не получалось и въ церкви не имѣется,—крестьяне разошлись, повидимому, вполнѣ удовлетворенные данными имъ объясненіями, и въ теченіе всей страстной и Свѣтлой недѣли болѣе къ священнику не приставали и барщинныхъ работъ не покидали. Нѣсколько тревожное состояніе Мироновскихъ крестьянъ выражалось съ тѣхъ поръ лишь въ составленіи списковъ и отсылкѣ ихъ въ Кіевъ.

Настоящія же волненія крестьянъ во всей ихъ грозной обстановкѣ вспыхнули нѣсколько позже, лишь съ наступленіемъ Ѳоминой недѣли, и при томъ въ иныхъ мѣстахъ, а именно вокругъ двухъ вотчинныхъ центровъ: м. Таганчи и м. Корсуня [11]). Въ обоихъ имѣніяхъ—и Таганчскомъ [12]) и Корсунскомъ—волненія начались и кончились почти въ одно время, но особенно сильныхъ размѣровъ они достигли лишь въ послѣднемъ изъ нихъ. Это имѣніе, бывшее нѣкогда староствомъ [13]), въ указанное время принадлежало свѣтлѣйшему кня-

---

[9]) Названныя мѣстечко и оба села принадлежали гр. Браницкому.

[10]) Прекращенію волненій въ м. Медвинѣ и с. Карапишахъ, по всей вѣроятности, содѣйствовали увѣщанія коммиссіи подп. Афанасьева, которая около этого времени была въ Каневскомъ уѣздѣ.

[11]) Чтобы нагляднѣе очертить пространство, охваченное волненіями, замѣтимъ, что на С. оно начиналось нѣсколько выше м. Таганчи, на югѣ ограничивалось м. Корсунемъ, а на В. и З. простиралось почти вплоть до теченія р. Роси, которая образуетъ въ этихъ мѣстахъ большую излучину, охватывающую указанный районъ съ трехъ сторонъ: съ В., Ю. и З.

[12]) Таганчское имѣніе, въ составъ котораго входили: м. Таганча, сс. Мельники, Голяки и Ключники и дер. Таганецкая-Буда, принадлежало полковнику гвардіи Августу Осиповичу Понятовскому. Похилевичъ, стр. 544—547.

[13]) Послѣднимъ старостою Корсунскимъ былъ племянникъ короля, кн. Станиславъ Понятовскій, который въ 1799 г. уступилъ свое право („право владѣнія своего пожизненнаго и емфитеутичнаго по конституціи 1775 г.") казнѣ за 600 тысячъ польскихъ грошей

зю Павлу Петровичу Лопухину и состояло, сверхъ резиденціи князя м. Корсуня, изъ слѣд. селъ: Арбузина, Нетеребки, Корниловки, Бровахъ, Сахновки, Кичинецъ, Сотниковъ, Сомородни, Моренецъ, Ситниковъ, Выграева и мн. др. [14]).

До праздника Пасхи, т. е. до самаго конца марта, въ Корсунскомъ имѣніи не замѣчалось никакого движенія среди крестьянъ; на Святой крестьяне стали собираться толпами, толковали о волѣ и составляли списки; наконецъ, на Ѳоминой вспыхнуло открытое волненіе. Началось оно прежде всего въ с. Бровахахъ, потомъ въ с. Корниловкѣ и Арбузинѣ, а оттуда уже распространилось и на прочія села: Сотники, Ситники, Выграевъ и т. д. Всюду крестьяне прекращали работы на помѣщика, приступали къ своимъ священникамъ съ рѣшительнымъ требованіемъ выдать скрытый ими указъ на вольность, принуждали ихъ ходить въ церкви, перерывать и читать всѣ хранящіеся тамъ прежніе манифесты, указы и пр. бумаги и т. д., и т. д. Никакія увѣщанія и клятвы священниковъ, что никакого указа не существуетъ, не помогали, а еще болѣе раздражали крестьянъ. Тѣ изъ священниковъ, которые не догадались скрыться отъ своихъ прихожанъ, подвергались аресту, лишенію пищи, утомительному переводу изъ одного села въ другое и, наконецъ, всяческимъ издѣвательствамъ, побоямъ и истязаніямъ. Особенно пострадали свящ. с. Ситниковъ—Иванъ Черподубравскій, с. Выграева—Иванъ Загродскій и с. Арбузина—Мих. Кудревичъ, а также благочинный всего этого округа Ант. Ковальскій. О нѣкоторыхъ подробностяхъ вымогательства указа и тѣхъ оскорбленіяхъ и истязаніяхъ, которымъ подверглись упомянутые священники, мы узнаемъ ниже (см. приложеніе къ этой статьѣ); теперь же перейдемъ къ дальнѣйшему изложенію событій, придерживаясь по преимуществу нашихъ оффиціальныхъ данныхъ [15]).

(см. Ак. Кн. К. Ц. Арх. № 3389, ак. 202, л. 341). Въ томъ же 1799 г. имп. Павелъ Петровичъ пожаловалъ б. Корсунское староство генералъ-прокурору свѣтлѣйшему князю Петру Васильевичу Лопухину.—По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ г. Похилевичемъ, въ Корсунскомъ имѣніи считалось ок. 10 т. (9226) ревизскихъ душъ муж. пола.

[14]) Всѣ перечисленныя здѣсь села (за исключеніемъ Кичинецъ и Моренецъ) съ м. Корсунемъ входили въ составъ 4-го округа церквей Каневскаго уѣзда; благочиннымъ этого округа былъ о. Антоній Ковальскій, имѣвшій приходъ въ с. Мироновкѣ (гр. К. В. Браницкаго).

[15]) Т. е. дѣла военно-судной коммиссіи, учрежденной при Каневскомъ уѣздн. судѣ,

Вѣсть о вспыхнувшемъ въ южной части Каневскаго уѣзда волненіи достигла вскорѣ Васильковскаго уѣзда, гдѣ въ то время находилось все дѣйствовавшее въ различныхъ уѣздахъ высшее начальство, а равно и Кіева. Упомянутая выше коммиссія, съ подполк. Афанасьевымъ во главѣ, немедленно возвратилась въ предѣлы Каневскаго уѣзда и направилась сначала въ м. Таганчу, а оттуда, подъ охраной жандармовъ, переѣхала въ м. Корсунь, какъ центральный пунктъ волненій. Въ то же время были двинуты въ районъ крестьянскихъ волненій и военныя команды.

Первое столкновеніе народа съ войсками произошло 9 апрѣля въ с. Ситникахъ. Дѣло было такъ. Батальонный адъютантъ Бѣлевскаго егерскаго полка подпоручикъ Михель, слѣдуя въ м. Корсунь съ ротою солдатъ, отряженною въ числѣ прочихъ для усмиренія крестьянъ, заѣхалъ въ с. Ситники для пріобрѣтенія подводъ. Въѣхавъ въ село, онъ засталъ возлѣ церкви толпу крестьянъ, которая окружала своего священника и съ угрозами требовала отъ него указа. Подпоручикъ немедленно освободилъ священника, но вслѣдъ за этимъ его отрядъ подвергся нападенію крестьянъ, вооруженныхъ выдернутыми изъ плетней кольями. Конечно, крестьяне были тотчасъ же разогнаны, при чемъ 7 человѣкъ изъ нихъ были задержаны, а затѣмъ препровождены въ Корсунь. Это незначительное, повидимому, происшествіе не замедлило однако повлечь за собою новую катастрофу, мало чѣмъ уступающую описаннымъ выше.

На слѣдующій день, т. е. 10 апрѣля, крестьяне сс. Ситниковъ, Моренецъ, Выграева, Сотниковъ, Арбузина, Кичинецъ и др., собравшись толпою до 4000 чел., направились въ м. Корсунь. Шли они, яко бы для освобожденія арестованныхъ въ Ситникахъ семи человѣкъ, но, вѣроятнѣе, съ цѣлью узнать отъ съѣхавшагося въ Корсунѣ начальства что-либо объ указѣ. Въ Корсунѣ же въ это время находились: упомянутая коммиссія съ подп. Афанасьевымъ во главѣ, земскій исправникъ съ прочими чинами полиціи, бѣжавшіе изъ своихъ приходовъ священники и 18-ая рота Бѣлевскаго егерскаго полка, подъ командой капитана Лопатьева [16]). Толпа вошла въ Корсунь

[16]) Рота эта состояла изъ 250 чел., изъ коихъ 60 было новобранцевъ. Другая рота солдатъ, а также и отрядъ уланъ прибыли въ Корсунь лишь къ вечеру того же дня.

и направилась къ церковной площади (гдѣ собралось все начальство), имѣя во главѣ семь человѣкъ, изъ коихъ одинъ несъ на бѣломъ платкѣ хлѣбъ-соль; за ними шло во второмъ ряду человѣкъ двѣнадцать, а за этими уже валили и остальные. Выйдя на встрѣчу толпѣ, но держась отъ нея въ почтительномъ отдаленіи, подполковникъ Афанасьевъ прежде всего приказалъ ей стать на колѣни; когда же пришедшіе крестьяне исполнили приказаніе, объявилъ имъ, что они обязаны попрежнему повиноваться своему владѣльцу, что никакого указа о вольности не было и нѣтъ, и что всѣ неповинующіеся будутъ строго наказаны [17]). Едва п. А-въ окончилъ свою краткую, но сильную рѣчь, толпа моментально схватилась на ноги и съ крикомъ „ура" бросилась на стоящую подъ ружьемъ тамъ же на площади роту солдатъ. Натискъ крестьянъ былъ встрѣченъ ружейнымъ огнемъ... При этой стычкѣ былъ убитъ унтеръ-офицеръ Сидоровъ какъ разъ въ то время, когда онъ скомандовалъ ротѣ „пли"; въ капитана брошенъ былъ топоръ (онъ пролетѣлъ мимо), а у юнкера отнято ружье; кромѣ того, по показанію свидѣтелей, едва не подвергся опасности и самъ п. Афанасьевъ [18]). Ружейнымъ огнемъ было убито 11 крестьянъ, ранено смертельно 5 и сравнительно легко 18 [19])... Толпа, напуганная выстрѣлами и зрѣлищемъ смерти, прекратила свой непродолжительный натискъ и обратилась въ бѣгство. Солдаты преслѣдовали бѣгущихъ, ловили легко-раненыхъ и всѣхъ, кто отставалъ отъ уходившей толпы, и пойманныхъ приводили въ мѣстечко....

Всѣхъ арестованныхъ какъ во время описаннаго происшествія, такъ и вскорѣ послѣ него (на основаніи указаній потерпѣвшихъ),

---

[17]) Такъ изложена сущность рѣчи подп. А—ва въ обвинительномъ актѣ; по словамъ же свящ. Ковальскаго, „Афанасьевъ требовалъ покорности, раскаянія, говорилъ, что никакой воли *не будетъ*, пригрозилъ тяжелымъ наказаніемъ".

[18]) „Какъ показываютъ свидѣтели—говоритъ обвинительный актъ,—одинъ изъ крестьянъ чуть не схватилъ п. Афанасьева".

[19]) Всѣ эти цифры взяты нами изъ подлиннаго дѣла военно-судной коммиссіи. Въ числѣ убитыхъ, по тѣмъ же оффиціальнымъ даннымъ, оказались между прочимъ: крестьянинъ (имя его осталось неизвѣстнымъ), убившій унтеръ-офицера, и крестьянинъ, вырвавшій у юнкера ружье; „кто же бросилъ въ капитана топоръ—не открыто". Убитыми также оказались и „главные зачинщики въ собраніи толпы, въ нападеніи на воинскую команду и въ обдуманномъ на то намѣреніи" (таковыми, по обвинительному акту, были крестьяне с. Выграева Иванъ и Николай Барнацкіе и Яковъ Романовскій, а с. Карниловки Пархомъ Модленко).

совмѣстно съ 7 чел., задержанными еще въ Ситникахъ, было около 60 душъ. Нѣкоторое время спустя изъ числа этихъ арестованныхъ 16 чел. было отправлено въ тюрьму, а остальные наказаны розгами и, впредь до разбора дѣла, отданы на поруки. Почти всѣ они (57 чел.) впослѣдствіи были преданы суду военно-судной коммиссіи, учрежденной при Каневскомъ уѣздномъ судѣ (см. приложеніе).

Черезъ 3—4 дня послѣ происшествія въ Корсунѣ прибылъ туда генералъ-губернаторъ кн. Васильчиковъ, сдѣлавшій еще до своего отъѣзда изъ Кіева [20]) распоряженіе о направленіи въ Каневскій уѣздъ всѣхъ имѣвшихся въ наличности войскъ [21]), а равно о прибытіи туда изъ Таращи вице-губернатора Веселкина. Такъ какъ волненія въ Корсунскомъ имѣніи, разразившіяся описанной выше катастрофой, можно было считать прекратившимися, то все вниманіе начальства было обращено на волненіе, сосредоточившееся вокругъ м. Таганчи, въ имѣніи Понятовскаго. Туда были отправлены управляющій губерніей и сильный отрядъ пѣхоты и кавалеріи. Скоро и тамъ волненіе было совершенно подавлено, при чемъ, на этотъ разъ, дѣло обошлось безъ всякихъ стычекъ или, какъ говорили крестьяне,—„страженій“.

Дальнѣйшія событія въ Каневскомъ уѣздѣ не представляютъ ничего особеннаго. Подавленіе волненій завершилось обычной экзекуціей. Захваченные въ различныхъ селахъ участники волненій [22]) доставлялись партіями въ Корсунь и Таганчу и тамъ, въ видахъ устрашенія остального населенія, подвергались болѣе и менѣе сильному наказанію розгами, а затѣмъ отпускались по домамъ. Послѣ этого управляющій губерніей Веселкинъ, оставивъ на всякій случай часть войскъ въ Каневскомъ уѣздѣ, съ остальными отправился въ Таращанскій и Звенигородскій уѣзды, чтобы своимъ присутствіемъ предотвратить тамъ нарушеніе порядка.

---

[20]) Онъ выѣхалъ изъ Кіева 13 апрѣля.

[21]) Были вытребованы даже и тѣ двѣ роты, которыя были оставлены раньше въ Сквирскомъ и Васильковскомъ уѣздахъ въ распоряженіи майора Громеки.

[22]) Кромѣ крестьянъ, были между прочимъ арестованы, по подозрѣнію или по доносу, дьячки с. Мельниковъ и с. Ситниковъ; впрочемъ, оба дьячка, за отсутствіемъ ясныхъ уликъ ихъ виновности, были вскорѣ освобождены.

Почти въ то самое время, какъ происходило все описанное выше въ Каневскомъ уѣздѣ, возникло крестьянское волненіе и въ смежномъ уѣздѣ—Черкасскомъ [23]), между прочимъ въ нѣкоторыхъ селахъ такъ назыв. Межиричскаго имѣнія, состоявшаго изъ м. Межирича съ с. Бабичами и дер. Гамарней и слѣд. селъ: Конончи, Хмѣльной, Пекарей, Поповки Межиричской (иначе Рожовки), Воробіевки и нѣк. др. Имѣніе это, принадлежавшее княгинѣ Багратіонъ [24]), за смертью послѣдней, управлялось въ описываемое время учрежденной въ Петербургѣ опекой; однимъ же изъ мѣстныхъ органовъ по управленію имѣніемъ оставался попрежнему, какъ и при кн. Багратіонъ, житель и уроженецъ м. Межирича, изъ козаковъ, нѣкто Ѳома Ивановичъ Колешевъ, о которомъ мѣстные крестьяне и доселѣ сохранили самую благодарную память [25]). Упоминаемъ объ этомъ потому, что названный Ѳ. И. Колешевъ играетъ видную роль въ нижеслѣдующемъ разсказѣ.

Встревоженные различными слухами, постепенно облетѣвшими всю губернію, крестьяне Межиричскаго имѣнія и нѣкоторыхъ другихъ селъ Черкасскаго уѣзда, ближайшихъ къ границѣ Каневскаго у., на первыхъ порахъ ничѣмъ не выражали своего броженія. Повидимому, они рѣшили до поры до времени занимать выжидательное положеніе, т. е. тщательно слѣдить за тѣмъ, что дѣлается въ сосѣднихъ Таганчскомъ и Корсунскомъ имѣніяхъ, и съ этимъ сообразовывать свои дальнѣйшія дѣйствія. Вскорѣ однако пришли вѣсти о волненіи крестьянъ вокругъ Корсуня и Таганчи, а затѣмъ распро-

---

[23]) Считаемъ нужнымъ напомнить (см. пр. на 1-й стр.), что приведенный ниже эпизодъ изъ волненій въ Черкасскомъ уѣздѣ основанъ на устномъ, но провѣренномъ разсказѣ современниковъ и очевидцевъ этихъ волненій.

[24]) Къ кн. Багратіонъ, урожденной граф. Скавронской, имѣніе это перешло отъ ея матери, по второму браку графини Литте. Послѣ смерти (за границей) кн. Багратіонъ, была учреждена по Высочайшему повелѣнію опека надъ имѣніемъ, состоявшая между прочимъ изъ гр. Воронцова-Дашкова и Джуліани. Впослѣдствіи (въ концѣ 1857 г.) Межиричское имѣніе было продано, по распоряженію опеки, тит. сов. Никодиму Парчевскому. Въ настоящее время имѣніе это принадлежитъ по частямъ различнымъ лицамъ.

[25]) Состоя при экономич. управленіи бухгалтеромъ, казначеемъ и повѣреннымъ по дѣламъ экономіи, Ѳ. Колешевъ (вѣрнѣе—Кулишовъ) естественно приходилъ въ постоянныя столкновенія съ крестьянами; своимъ же образомъ дѣйствій онъ сумѣлъ снискать себѣ между ними необычайную популярность. Это послѣднее обстоятельство, какъ мы увидимъ ниже, сослужило службу прежде всего самимъ же крестьянамъ.

странился упорный слухъ, что кто-то видѣлъ въ близъ лежащемъ селѣ Ключникахъ [26]) царскій указъ о волѣ. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы крестьяне Воробіевки, расположенной къ югу отъ м. Межирича, Рожовки, болѣе извѣстной подъ именемъ Поповки Межиричской, и нѣкот. др. селъ перешли изъ выжидательнаго и пассивнаго положенія въ наступательное и активное; короче сказать, возникло открытое волненіе. Явившіеся для усмиренія крестьянъ исправникъ и приставъ принуждены были скрыться; ихъ же примѣру долженъ былъ послѣдовать и священникъ с. Поповки, который заперся въ церкви. Добившись (впрочемъ, безъ всякаго насилія) удаленія всѣхъ мѣстныхъ властей, крестьяне, въ ожиданіи новыхъ извѣстій, позаботились принять нѣкоторыя мѣры предосторожности. Такъ, напр., въ с. Поповкѣ на колокольнѣ былъ помѣщенъ часовой, коему вмѣнено въ обязанность наблюдать, не покажутся ли гдѣ на горизонтѣ уѣздныя власти или военныя команды, и въ случаѣ опасности бить въ набатъ. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда въ одинъ изъ апрѣльскихъ вечеровъ въ с. Воробіевкѣ былъ арестованъ мѣстный свящ. Петръ Бакалинскій [27]) и ночью выведенъ въ поле, куда собралась большая толпа изъ различныхъ окрестныхъ селъ. Соединенныя громады крестьянъ рѣшили заночевать въ полѣ, а на утро всѣмъ вмѣстѣ двинуться по направленію къ Ключникамъ и Таганчѣ.

Чуть свѣтъ, почти ночью, испуганная жена Бакалинскаго примчалась въ м. Межиричь къ Колешеву и со слезами умоляла его выручить ея мужа изъ рукъ крестьянъ. Колешевъ согласился сдѣлать попытку въ этомъ направленіи и рано утромъ на лошадяхъ отправился въ указанное мѣсто. Крестьянъ нашелъ онъ въ полѣ, на границѣ имѣній Межиричскаго и Таганчскаго, въ виду Поповки и Воробіевки (расположенныхъ, кстати сказать, по горамъ и ярамъ) и въ нѣсколькихъ верстахъ (примѣрно, верстахъ въ 6) отъ Ключниковъ. Здѣсь крестьяне въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ расположились для привала вокругъ одиноко стоящаго на полѣ дуба, а къ этому послѣднему привязали свящ. Бакалинскаго. Послѣ первыхъ взаимныхъ

---

[26]) С. Ключники входило въ составъ Таганчскаго имѣнія Авг. Понятовскаго.

[27]) Свящ. Петръ Бакалинскій еще въ весьма недавнее время проживалъ въ качествѣ приходскаго священника въ с. Журавкѣ.

привѣтствій, здѣсь же на полѣ произошелъ приблизительно слѣдующій весьма характерный разговоръ.

Колешевъ обратился къ крестьянамъ съ вопросомъ, куда ведутъ они своего священника. „Въ Ключники", послѣдовалъ тысячеголосый отвѣтъ.—Зачѣмъ?—Въ Ключникахъ есть указъ.—Какой указъ?—Указъ, что мы всѣ свободны, что мы всѣ дворяне!—Какіе же вы дворяне, хотѣлъ бы я, люди добрые, знать?—Мы дворяне, потому что свои дворы имѣемъ!—Побойтесь Бога, какіе вы дворяне!? Вы такіе же дворяне, какъ я князь!—На это толпа, очевидно желая польстить, закричала: „Поздоровъ, Боже, васъ, та насъ, то вы таки у насъ и князь!"

Напрасно Колешевъ нѣсколько разъ пытался разъяснить и доказать крестьянамъ, что они не могутъ быть дворянами, что никакого указа о волѣ и дворянствѣ не было, нѣтъ и быть не можетъ; напрасно убѣждалъ ихъ освободить священника и разойтись, рисуя при этомъ самыми мрачными красками то, что можетъ произойти съ приходомъ властей и войскъ, напрасно, наконецъ, ссылался онъ на свои отношенія къ крестьянамъ и на то, что въ обманѣ ихъ онъ нисколько не заинтересованъ,—все это нисколько не помогало. Пока Колешевъ говорилъ, толпа смирно стояла и внимательно выслушивала всѣ приводимые аргументы, но, какъ только онъ останавливался, чтобы перевести духъ, или заканчивалъ свою рѣчь, полагая, что ему удалось, наконецъ, убѣдить толпу, эта послѣдняя въ опроверженіе выслушанныхъ доводовъ подымала невообразимый гулъ и крикъ, среди которыхъ можно было разобрать только одно упрямое „è указъ! è указъ!" Изъ дальнѣйшихъ распросовъ оказалось, что, по свѣдѣніямъ крестьянъ, будто бы вполнѣ достовѣрнымъ, въ с. Ключникахъ есть указъ о вольности, указъ, на которомъ „лежитъ золотая рука царя".

Измученный продолжительными, но безплодными бесѣдами своими съ крестьянами, охрипшій, голодный и глубоко убѣжденный, что и дальнѣйшія рѣчи ни къ чему не приведутъ, Колешевъ рѣшился прибѣгнуть къ героическому средству и, обратившись къ крестьянамъ, которые окружали его со всѣхъ сторонъ живымъ кольцомъ и, повидимому, не имѣли въ виду отпускать его отъ себя, громко сказалъ: „Повторяю вамъ, люди добрые, что никакого указа о волѣ нѣтъ. Вы однако утверждаете, что указъ есть, что его кто-то видѣлъ. Въ та-

комъ случаѣ подите и принесите его и, если окажется такой указъ, можете повѣсить меня на этомъ дубѣ". Толпа приняла предложеніе и немедленно отрядила человѣкъ десять въ Ключники за указомъ. Всѣ же остальные, въ ожиданіи, расположились на полѣ, кто какъ могъ.

Прошло нѣсколько томительныхъ часовъ, прежде чѣмъ раздались и промчались по всему полю возгласы: „несутъ! несутъ!" Дѣйствительно, вскорѣ приблизилось четверо изъ посланныхъ крестьянъ, держа за углы платокъ, которымъ обыкновенно покрываютъ церковные аналои; въ платкѣ же, завернутая въ расшитомъ рушникѣ, лежала какая-то бумага. Трепеща за свою жизнь (бумага могла оказаться какимъ-либо подложнымъ указомъ), Колешевъ развернулъ принесенный указъ.... Оказалось, что крестьяне приняли за указъ экземпляръ *инвентарныхъ правилъ* [28]). Когда правила были прочтены Колешевымъ, и грамотные изъ толпы подтвердили, что принесенная бумага есть дѣйствительно не что иное, какъ „инвентарныя правила", толпа выразила горькое изумленіе и разочарованіе. Ловя моментъ, ободренный Колешевъ обратился снова къ крестьянамъ, убѣждая ихъ, не дожидаясь „лыха", разойтись, а священника освободить. На этотъ разъ, толпа крестьянъ, убѣжденная, наконецъ, что никакого указа нѣтъ, и измученная цѣло-дневными треволненіями (день уже склонялся къ вечеру) и голодомъ, послушалась совѣта; освободила священника и разбрелась по домамъ [29]). Такъ окончились волненія крестьянъ Межиричскаго имѣнія и ближайшихъ къ нему селъ, благодаря усиліямъ и мужеству лишь одного совершенно частнаго, но популярнаго человѣка [30]), безъ всякаго содѣйствія властей, безъ розогъ, безъ ружейныхъ залповъ и пр. и пр.

---

[28]) По одному экземпляру этихъ правилъ было отдано для храненія въ каждую церковь (другой экземпляръ вручался помѣщику).

[29]) Лишь только нѣсколько зачинщиковъ, изъ коихъ видную роль играли два крестьянина с. Поповки (по фамиліи Киша и Груша), пытались, но безуспѣшно, остановить толпу и грозили Колешеву, что „это ему даромъ не пройдетъ". Впослѣдствіи оба они были, кажется, сосланы въ Сибирь административнымъ порядкомъ.

[30]) Объ этомъ актѣ гражданскаго мужества Ѳ. И. Колешева было, какъ мы слышали, доведено генералъ-губернаторомъ кн. Васильчиковымъ до свѣдѣнія Государя. Добавимъ къ этому, что вскорѣ послѣ описаннаго произошелъ несчастный случай, бывшій причиной преждевременной смерти Ѳ. И. Колешева; благодарные крестьяне собрались со всѣхъ окрестныхъ селъ и съ нелицемѣрными слезами проводили его до могилы.

Этимъ эпизодомъ, прекрасно дополняющимъ общую картину крестьянскихъ волненій въ Кіевской губерніи, мы заканчиваемъ описаніе волненій въ тѣхъ ея уѣздахъ, гдѣ они достигли наибольшей силы. Исчерпавъ всѣ имѣющіеся доселѣ по этому предмету матеріалы, переходимъ къ бѣглымъ замѣчаніямъ о томъ, что дѣлалось въ то же самое время въ прочихъ уѣздахъ, а затѣмъ—къ финальному акту описываемыхъ волненій.

IV.

Въ прочихъ уѣздахъ Кіевской губерніи дѣло обошлось сравнительно весьма благополучно. Такъ, въ Бердическій, Липовецкій и Радомысльскій уѣзды волненіе совершенно не успѣло проникнуть, а въ остальныхъ пяти уѣздахъ оно ограничилось лишь болѣе и менѣе замѣтнымъ броженіемъ умовъ, да нѣкоторыми недоразумѣніями, не представлявшими собою ничего серьезнаго; впрочемъ, вѣсть о событіяхъ въ Васильковскомъ, Сквирскомъ и Каневскомъ уѣздахъ, а затѣмъ своевременно принятыя въ различныхъ мѣстахъ начальствомъ мѣры [31]) не замедлили оказать свое вліяніе, предупредивъ возникновеніе здѣсь какихъ-либо серьезныхъ безпорядковъ. Мало по малу напряженное состояніе крестьянъ прекратилось, глухое или явное волненіе, вспыхивавшее то тамъ, то здѣсь, улеглось, и къ концу апрѣля вся Кіевская губ. пришла въ мирное положеніе.

Потушенныя волненія сдѣлались предметомъ довольно жаркой оффиціальной переписки мѣстныхъ властей [32]), а затѣмъ предметомъ строжайшаго разслѣдованія, произведеннаго различными чиновниками особыхъ порученій и военными слѣдователями, посланными на мѣста печальныхъ происшествій. Съ тою же цѣлью, съ цѣлью выяснить

---

[31]) Съ цѣлью удержать крестьянъ въ порядкѣ всюду, гдѣ только онъ могъ подвергнуться какой-либо опасности, и предотвратить распространеніе среди народа неосновательныхъ толковъ, управляющій губерніей лично побывалъ во многихъ уѣздахъ (Черкасскомъ, Чигиринскомъ, Уманскомъ, Звенигородскомъ и др.).

[32]) Подробности объ этой перепискѣ и различныхъ препирательствахъ между мѣстными властями всякій желающій можетъ найти въ воспоминаніяхъ Громеки, гдѣ приведены нѣкоторыя бумаги (различ. рапорты, доношенія, отношенія и предписанія) цѣликомъ или въ извлеченіи.

истинныя причины крестьянскаго движенія въ Кіевской губ., былъ командированъ изъ Петербурга одинъ изъ генералъ-адъютантовъ, который прибылъ на мѣсто назначенія въ 20-хъ числахъ апрѣля. Послѣ различныхъ перипетій мѣстныя власти, а затѣмъ и высшее центральное правительство пришли, наконецъ, къ заключенію, что главной причиной волненій были не какія-либо постороннія и враждебныя подстрекательства внѣшнихъ или внутреннихъ враговъ отечества, а добросовѣстное, хотя и весьма упорное, убѣжденіе крестьянъ, вызванное извѣстными намъ обстоятельствами, въ существованіи указа о волѣ и поголовномъ призывѣ крестьянъ на защиту царя и отечества. Такому правильному выводу относительно истинныхъ причинъ прекращенныхъ волненій, независимо отъ всѣхъ прочихъ данныхъ, добытыхъ слѣдствіемъ, несомнѣнно, весьма много содѣйствовали слѣдующія два крайне важныхъ и, такъ сказать, невольно бросавшихся въ глаза обстоятельства. Во-первыхъ, во всей Кіевской губерніи въ теченіе болѣе, чѣмъ двухмѣсячныхъ безпорядковъ волнующіеся крестьяне не только не тронули, какъ говорится, ни соломинки изъ движимаго или недвижимаго имущества помѣщиковъ, зачастую совершенно покинутаго владѣльцами на произволъ судьбы, но даже заботились объ охранѣ его: во многихъ селахъ для охраны помѣщичьихъ домовъ и амбаровъ крестьянскія громады назначали особые караулы. Обстоятельство это, чрезвычайно важное для установленія правильнаго взгляда на описанныя волненія, подтверждается, прямо или косвенно, всѣми извѣстными въ настоящее время данными, какъ неоффиціальными, такъ и оффиціальными,—какъ напечатанными воспоминаніями различныхъ лицъ и устными разсказами живыхъ еще современниковъ описанныхъ волненій, такъ равно и дѣломъ военно-судной коммиссіи, которымъ мы пользовались при составленіи настоящаго очерка. Не менѣе важно и другое обстоятельство, доказывающее, что описанное волненіе было совершенно чуждо какой бы то ни было политической подкладки. Мы разумѣемъ здѣсь извѣстный многимъ инцидентъ съ прокламаціей, изготовленной отъ имени англичанъ и французовъ однимъ юнымъ фантазеромъ,—инцидентъ, печально окончившійся для автора прокламаціи и наглядно показавшій еще разъ, *какъ* крестьяне наши относятся ко всякимъ

„политическимъ внушеніямъ“ [33]). Въ виду только-что названныхъ (не говоря уже о прочихъ) краснорѣчивыхъ фактовъ, напрасно было такъ долго, придерживаясь обычнаго тогда пріема, разыскивать „посторонніе внѣшніе вліянія, подстрекательства, тайную агитацію злонамѣренныхъ людей“ и т. п. вмѣсто того, чтобы безъ напрасной траты времени усвоить правильный взглядъ на причины волненія, которыя были слишкомъ ясны для всякаго, обладавшаго даже меньшимъ запасомъ твердо установленныхъ данныхъ и личныхъ наблюденій.

Намъ осталось еще сказать объ участи крестьянъ, арестованныхъ во время или вскорѣ послѣ описанныхъ выше происшествій въ Быковой-Греблѣ, Березной, Трушкахъ и Корсунѣ. Впрочемъ, относительно арестованныхъ въ первыхъ трехъ мѣстахъ (а такихъ арестованныхъ было весьма не много) свѣдѣнія наши скудны [34]). По словамъ м. Громеки, участвовавшаго не только въ усмиреніи кре-

---

[33]) Исключенный изъ университета св. Владиміра студентъ Р., по происхожденію полякъ, прибылъ домой, къ отцу своему въ с. Волиянку (Тараш. у.); не понимая источника и характера происходившихъ въ то время волненій, юноша этотъ, неизвѣстно въ силу какихъ именно побужденій, задумалъ обратиться къ крестьянамъ съ прокламаціей собственнаго издѣлія, въ которой они отъ имени Англіи и Франціи приглашались къ поголовному возстанію противъ царя и властей. Тѣ изъ крестьянъ с. Волиянки, которые первые были посвящены въ тайные планы самозваннаго агента западныхъ державъ, хотя отлично понимали всю преступность этихъ плановъ, рѣшились однако притворяться сочувствующими до тѣхъ поръ, пока не представится случай овладѣть самой прокламаціей. Такой случай представился, когда крестьяне въ числѣ 30-ти чел., условившись относительно образа дѣйствій, собрались, по просьбѣ панича, въ одну избу, чтобы выслушать яко бы подлинное „письмо отъ француза“. Во время чтенія прокламаціи крестьяне ловко овладѣли поличнымъ и, заявивъ изумленному и испуганному автору и чтецу прокламаціи, что они не знаютъ „ни того англіянского, ни французского царя, а знаютъ одного Свого—Билаго“, немедленно донесли обо всемъ исправнику и доставили ему самую прокламацію. (Подробный разсказъ обо всемъ этомъ желающіе могутъ найти въ воспоминаніяхъ Громеки, который, къ слову сказать, производилъ и самое разслѣдованіе по этому дѣлу). Впослѣдствіи всѣ крестьяне с. Волиянки, игравшіе роль въ разсказанной исторіи, были щедро награждены правительствомъ „за вѣрноподданническій поступокъ“ свой. Прибавимъ, что вся описанная исторія произошла какъ разъ во время крестьянскихъ волненій въ Кіевской губерніи, и что крестьяне с. Волиянки были далеко не чужды общему движенію: большинство изъ нихъ, записавшись въ списки, считало себя уже козаками и лишь ждало дальнѣйшихъ распоряженій царя.

[34]) За неимѣніемъ оффиціальныхъ данныхъ, мы принуждены довольствоваться въ этомъ случаѣ свѣдѣніями, сообщаемыми м. Громекой.

стьянъ, но и въ производствѣ слѣдствія въ Васильковскомъ и Сквирскомъ уу., всѣ арестованные здѣсь крестьяне, за исключеніемъ лишь 4-хъ человѣкъ, были наказаны розгами, безъ преданія суду и по личному усмотрѣнію м. Громеки, получившаго на то соотвѣтствующія полномочія, а затѣмъ отпущены изъ тюрьмы по домамъ; относительно же упомянутыхъ 4-хъ чел., признанныхъ болѣе виновными, Громека передаетъ извѣстіе, не выдавая его, впрочемъ, за вполнѣ достовѣрное, что и они также впослѣдствіи были совершенно помилованы начальствомъ. Такимъ образомъ, для арестованныхъ въ Сквирскомъ, Васильковскомъ и Таращанскомъ уѣздахъ дѣло обошлось благополучно, быть можетъ, благодаря тѣмъ „стражеціямъ" и экзекуціямъ, которыя описаны выше, и которыя какъ бы искупили вину немногихъ задержанныхъ, попавшихъ подъ арестъ, по всей вѣроятности, довольно случайно.

Не такъ благополучно окончилось дѣло для арестованныхъ въ Ситникахъ и Корсунѣ, число которыхъ было довольно значительно, а именно 59 чел. Для суда надъ ними, какъ это видно изъ упомянутаго „дѣла", находящагося въ нашихъ рукахъ, была учреждена, по распоряженію генералъ-губернатора, при Каневскомъ уѣздномъ судѣ смѣшанная военно-судная коммиссія, открывшая свои засѣданія въ началѣ слѣд. 1856 года. Коммиссія эта, разсмотрѣвъ дѣло и раздѣливъ подсудимыхъ на три категоріи, приговорила главныхъ виновниковъ, въ числѣ 13 чел., къ наказанію шпицрутенами, смотря по степени вины, отъ 300 до 1500 ударовъ, къ отдачѣ въ арестантскія исправит. роты на различные сроки, а затѣмъ къ ссылкѣ для водворенія въ Сибирь [35]). Но впослѣдствіи этотъ суровый приговоръ былъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 7 декабря 1856 г., значительно смягченъ, при чемъ наказаніе шпицрутенами и вовсе отмѣнено. Въ этой смягченной формѣ приговоръ надъ подсудимыми былъ приведенъ въ исполненіе лишь въ 1857 году, т. е. почти черезъ два года послѣ Корсунской катастрофы.

Выше набросанный нами очеркъ волненій помѣщичьихъ крестьянъ [36]) Кіевской губ. въ 1855 г. представляетъ лишь одну только

---

[35]) Подробности см. въ приложеніи.

[36]) Сдѣлаемъ оговорку. Мы не претендуемъ на полноту представленнаго очерка волненій 1855 г. въ Кіевской губ. Правда, для составленія его мы воспользовались всѣмъ

страницу изъ обширной, печальной и поучительной исторіи крестьянскихъ движеній въ Россіи. Мы едва ли однако впадемъ въ крайность, если скажемъ, что важнѣйшіе общіе выводы изъ безпристрастнаго повѣствованія о волненіяхъ, служившихъ предметомъ настоящаго очерка, вполнѣ примѣнимы и къ остальнымъ случаямъ болѣе крупныхъ крестьянскихъ волненій, происходившихъ въ различныхъ концахъ нашего обширнаго отечества въ теченіе болѣе, чѣмъ столѣтія. Въ виду сказаннаго нами раньше, мы не будемъ, впрочемъ, возвращаться къ повторенію той истины, что главной причиной волненій крѣпостныхъ крестьянъ были, съ одной стороны, тяжесть крѣпостнаго права, а съ другой, ничѣмъ несокрушимая и постоянная увѣренность закрѣпощеннаго люда въ твердомъ рѣшеніи царя освободить его; тѣмъ болѣе не будемъ заниматься перечисленіемъ и выясненіемъ второстепенныхъ, временныхъ и мѣстныхъ, причинъ тѣхъ или другихъ волненій, а слѣдовательно и волненій, описанныхъ выше [37]), такъ какъ, при существованіи главныхъ, второстепенныя и мѣстныя причины не имѣютъ уже особеннаго значенія. Заканчивая этотъ очеркъ, мы не можемъ, однако, не отмѣтить, подобно тому, какъ сдѣлали это уже выше,—отмѣтить вторично, и на этотъ разъ, кажется, съ бо́льшимъ правомъ, важнѣйшую особенность нашихъ крестьянскихъ движеній. За немногими исключеніями, всѣ наши крестьянскія волненія, какой или какими бы причинами они ни были вызваны, всегда сопровождались глубокимъ убѣжденіемъ волновавшагося народа въ существованіи какого-то царскаго указа, уже изданнаго или приготовленнаго къ обнародованію. Такимъ образомъ, волненія крестьянъ были всегда чужды политическаго (антигосударственнаго или революціоннаго) характера: волновавшіеся всегда добросовѣстно полагали, что истинныя воля и приказанія царя совершенно иныя, нежели тѣ, которыя провозглашались мѣстными властями, и что, не повинуясь и оказывая сопротивленіе этимъ властямъ, они, крестьяне, всякій разъ идутъ лишь на встрѣчу тому, облегчаютъ

матеріаломъ, какой имѣется въ наличности въ настоящее время, но могутъ открыться со временемъ матеріалы, теперь неизвѣстные, которые, не измѣняя сущности дѣла, дадутъ возможность дополнить нарисованную картину болѣе или менѣе важными деталями.

[37]) Такими, напр., второстепенными и мѣстными причинами волненій, имѣвшихъ мѣсто въ Кіевской губ., были, кромѣ злоупотребленій помѣщиковъ, неудовлетворительность инвентарныхъ правилъ, преданія о козачествѣ и мн. др.

осуществленіе того, чего именно желаетъ ихъ монархъ. Вотъ почему, несмотря на то, что каждое крестьянское волненіе оканчивалось печально прежде всего для самихъ же крестьянъ, спустя нѣкоторое время закрѣпощенный народъ, забывая суровый урокъ, вновь подымалъ „возстаніе противъ властей и помѣщиковъ". Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока не оправдались вѣковыя ожиданія народа и узелъ крѣпостнаго права не былъ, наконецъ, разсѣченъ по волѣ Царя-Освободителя, пока не раздались и не промчались по всей обширной Руси великія и радостныя слова: *„Осени себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго"*. Лишь только съ того времени, когда русскій народъ узналъ и твердо увѣровалъ, что крѣпостное право отмѣнено навсегда и для всѣхъ безъ различія, крестьянскія массовыя движенія, являвшіяся протестомъ противъ закрѣпощенія личности и рабскаго труда,—движенія, возмущавшія въ теченіе почти двухъ вѣковъ покой государства, отошли навсегда въ область исторіи, въ область навсегда минувшаго и невозвратнаго [38]).

Михаилъ Ясинскій.

---

[38]) Правда, вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ, при введеніи такъ называемыхъ уставныхъ грамотъ, произошли волненія въ различныхъ мѣстахъ Россіи, вызванныя нѣкоторыми недоразумѣніями и неосновательными слухами относительно земли, но это обстоятельство нисколько не противорѣчитъ сказанному выше, если мы вспомнимъ, что и при введеніи уставныхъ грамотъ и нѣсколько позже, вплоть до 1870 г., вышедшіе изъ крѣпостнаго состоянія крестьяне находились еще въ переходномъ положеніи къ полной свободѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ*).

Въ составъ военно-судной коммиссіи, учрежденной по распоряженію генералъ-губернатора при Каневскомъ уѣздномъ судѣ, вошли слѣдующія лица:

a) презусъ: резервнаго пѣхотнаго Е. В. В. К. Владиміра Александровича полка капитанъ Тепловъ;

b) асессоры: того же полка поручики—Тхоржевскій и Калугинъ и засѣдатели Каневскаго уѣзднаго суда—коллежскій асессоръ Панкевичъ и титулярный совѣтникъ Юревичъ;

c) за аудитора: секретарь уѣзднаго суда, титул. совѣтникъ Рудзинскій.

Военные чины, назначенные въ составъ коммиссіи, прибыли въ г. Каневъ въ началѣ января 1856 г., а 20-го марта того же года коммиссія постановила приговоръ надъ арестованными въ Ситникахъ и Корсунѣ.

Разсмотрѣвъ дѣло, коммиссія нашла, что „главные зачинщики въ собраніи толпы и въ нападеніи на воинскую команду съ обду-

---

*) Настоящее приложеніе къ статьѣ „Волненія помѣщичьихъ крестьянъ Кіевской губ. въ 1855 году“ содержитъ въ себѣ извлеченіе изъ нѣкоторыхъ частей упомянутаго выше подлиннаго дѣла военно-судной коммиссіи, которымъ мы пользовались и раньше, при описаніи волненій въ Каневскомъ уѣздѣ.

маннымъ заранѣе намѣреніемъ" [1]) суду не подлежатъ, такъ какъ всѣ они убиты при нападеніи на воинскую команду въ м. Корсунѣ; находящихся же въ живыхъ подсудимыхъ (57 чел., изъ коихъ 2 бѣжало) коммиссія раздѣлила на три категоріи—главныхъ виновниковъ (16), прикосновенныхъ (20) и менѣе прикосновенныхъ къ дѣлу (19),—установила степень виновности каждаго изъ подсудимыхъ и, сообразно съ этимъ, опредѣлила для каждаго соотвѣтствующее наказаніе, „примѣняясь къ 69, 84, 86, 87, 192 и 193 ст. Военно-уголовнаго устава, части 5-ой, книги 1-ой [2]) и Уложенія о наказаніяхъ угол. и исправ. ст. 1908 [3]), равно и къ мнѣнію Государственнаго Совѣта, 23 ноября 1853 года Высочайше утвержденному" [4]).

Вотъ, на основаніи обвинительнаго акта, сущность вины каждаго изъ подсудимыхъ, отнесенныхъ къ категоріи главныхъ виновниковъ, и тѣ наказанія, какія были назначены военно-судной коммиссіей въ ея приговорѣ [5]):

---

[1]) Такими зачинщиками, какъ выяснилось при слѣдствіи, были: крестьяне с. Выграева 1) Иванъ и 2) Николай Барнацкіе, 3) Яковъ Романовскій и с. Корниловки 4) Пархомъ Модленко.

[2]) Къ этимъ словамъ слѣдовало прибавить: „Свода военныхъ постановленій".—Нельзя сказать, чтобы ссылка коммиссіи на эти именно статьи закона была удачна; въ этомъ легко убѣдиться, просмотрѣвъ означенныя статьи по „Уставу военно-уголовному" (Св. воен. постан., ч. 5) изданія 1855 г.

[3]) Эта послѣдняя статья (ст. 1908 по Улож. о наказ. 1845 г.), давно исключенная изъ нынѣ дѣйствующаго Уложенія, гласила слѣдующее: „За всякое упорное неповиновеніе, хотя и безъ явнаго возстанія, господамъ своимъ, или лицамъ, которымъ отъ нихъ, на законномъ основаніи, передана ихъ власть, вполнѣ или съ ограниченіями, крѣпостные люди, въ случаѣ, когда владѣлецъ, не желая самъ употреблять предоставленныхъ ему по закону домашнихъ исправит. мѣръ, дастъ знать о томъ надлежащему начальству, подвергаются, смотря по обстоятельствамъ болѣе или менѣе увеличивающимъ или уменьшающимъ сію вину, наказанію розгами отъ 20 до 50 ударовъ.—Изъ сего исключаются лишь случаи, когда они не повиновались приказаніямъ, противнымъ закону, и коихъ исполненіе сдѣлало бы ихъ самихъ участниками въ преступленіи".

[4]) Высочайше утвержденное 23 ноября 1853 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта трактуетъ „о мѣрахъ къ устраненію накопленія арестованныхъ въ мѣстахъ заключенія и о распредѣленіи по мѣстамъ ссылки преступниковъ изъ жителей Сибири". 2-ое П. С. З., № 27722 (т. XXVIII, отд. I).

[5]) Извлекая ниже содержаніе обвинительнаго акта и приговора, мы во многихъ мѣстахъ сохраняемъ ихъ конструкцію и цѣликомъ удерживаемъ нѣкоторыя выраженія.

1. Крестьянинъ с. Кичинецъ *Корнѣй Занченко* [6]), 45 лѣтъ. Писалъ крестьянамъ прошеніе, которое крестьянское общество с. Кичинецъ посылало въ Кіевъ къ генералъ-губернатору [7]); читалъ и превратно толковалъ „инвентарныя правила", взятыя изъ церкви; былъ въ Корсунѣ при нападеніи и находился впереди толпы въ числѣ избранныхъ 12 депутатовъ, имѣвшихъ вести переговоры съ подполк. Афанасьевымъ; по свидѣтельскому показанію благочиннаго Ковальскаго, Занченко входилъ въ алтарь церкви с. Корниловки въ пьяномъ видѣ, требовалъ показать ему всѣ хранящіяся въ церкви бумаги, читалъ предъ царскими вратами манифестъ о рожденіи у Государя Императора дочери [8]), читалъ и толковалъ съ непристойными шутками инвентарныя правила [9]), прикасался къ святому престолу, подымалъ лежащую на престолѣ плащаницу, приказывалъ священнику раскрывать и перелистывать Евангеліе и пр.; то же самое онъ повторилъ и въ церкви с. Арбузина [10]).

Справедливость всѣхъ этихъ обвиненій Занченко отрицалъ и себя виновнымъ не призналъ [11]).

Коммиссія постановила: по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, наказать Занченка шпицрутенами, прогнавъ его сквозь строй въ *500* чел. *три* раза затѣмъ отдать въ арестантскія исправ. роты на 2 года, а потомъ сослать для водворенія въ Сибирь.

---

[6]) Свящ. Ковальскій въ своихъ воспоминаніяхъ называетъ этого самого Занченка крестьяниномъ с. Корниловки и приписываетъ ему прозвище Кудлика и званіе писаря экономической конторы.

[7]) Прошеніе это носили въ Кіевъ Павелъ Прокопенко и Иванъ Занченко, но, не подавъ его, воротились, а прошеніе изорвали.

[8]) Воспоминанія Ковальскаго: „Увидѣвши этотъ манифестъ, Кудликъ громко закричалъ: „есть наше добро!" На этотъ крикъ набѣжало людей полная церковь. Кудликъ взялъ манифестъ: „ни, це не воно, це о новорожденномъ изъ царскои фамиліи". Послѣ, обращаясь ко мнѣ, говоритъ: „наше добро въ Евангеліяхъ". Поднялся крикъ: „шукайте тамъ". Я вошелъ въ алтарь, взялъ Евангеліе и началъ перелистывать..."

[9]) Въ своихъ воспоминаніяхъ свящ. Ковальскій объ этомъ однако вовсе не упоминаетъ.

[10]) Тоже.

[11]) По словамъ Ковальскаго, когда Кудлика-Занченка арестовали, подполк. Афанасьевъ „взялъ его за волоса, привелъ къ лежащимъ убитымъ и, наклонивъ его къ нимъ, проговорилъ: „это твоя работа, это ты ихъ кровь *пролилъ*."

2. Крестьянинъ с. Бровахъ *Василій Бзенко*, 29 л. Принималъ дѣятельное участіе въ истязаніи свящ. Ковальскаго, былъ въ Корсунѣ съ толпою, кричалъ, поднявъ шапку вверхъ: „сюда наши!", послѣ чего толпа бросилась на роту солдатъ (это послѣднее показалъ одинъ свидѣтель, спрошенный подъ присягой); кромѣ того, Бзенко, по показанію свящ. Ковальскаго, входилъ вмѣстѣ съ Занченкомъ въ Корниловскую и Арбузинскую церкви и искалъ тамъ указа.—Во всемъ этомъ Бзенко не сознался.

Приговоръ: по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, наказать шпицрутенами, прогнавъ сквозь строй въ *500* чел. *два* раза, отдать въ арестантскія исправит. роты на 2 года, а потомъ сослать для водворенія въ Сибирь.

3. Крестьянинъ с. Выграева *Петръ Швайка*, 33 лѣтъ. Записался въ козаки, участвовалъ въ требованіи отъ священника указа, принадлежалъ, по показанію неприкосновенныхъ къ дѣлу десяти чел. крестьянъ, къ числу зачинщиковъ, волновавшихъ народъ, несъ впереди толпы хлѣбъ-соль и, наконецъ, участвовалъ въ нападеніи на команду въ Корсунѣ.

Приговоръ: по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, наказать шпицрутенами, прогнавъ сквозь строй въ *500* чел. *одинъ* разъ, отдать въ арестантскія исправит. роты на 2 года, а затѣмъ сослать для водворенія въ Сибирь.

4. Крестьянинъ д. Моренецъ *Михайло Гайдаенко*, 45 лѣтъ. По показанію многихъ свидѣтелей, былъ однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ, клятвенно увѣрялъ, что видѣлъ самъ въ с. Выграевѣ желанный указъ, чѣмъ привелъ въ сильное волненіе своихъ односельчанъ; участвовалъ въ истязаніи свящ. Чернодубравскаго, при требованіи указа, и въ нападеніи на военную команду въ с. Ситникахъ, при чемъ нанесъ дубиной ударъ въ голову солд. Ив. Кондратьеву, что подтверждается не только показаніемъ этого послѣдняго и его товарищей, но и тѣмъ, что онъ, Гайденко, получилъ отъ упомянутаго солдата ударъ штыкомъ въ голову (остался знакъ отъ этого удара).—Гайдаенко отвергалъ всѣ эти обвиненія и сознался лишь въ одномъ, что, хотя объ указѣ онъ только слышалъ въ с. Голякахъ, а самъ его не видѣлъ, тѣмъ не менѣе, дѣйствительно, говорилъ крестьянамъ въ д. Моренцахъ, что видѣлъ этотъ указъ собственными глазами.

Приговоръ: по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, наказать шпицрутенами, прогнавъ сквозь строй въ *500* чел. *одинъ* разъ, отдать въ арестантскія исправит. роты на 1 ½ года, а потомъ сослать въ Сибирь.

5. Крестьянинъ д. Моренецъ *Максимъ Лавриненко*, 46 л. По показанію свидѣтелей (безъ присяги), былъ однимъ изъ зачинщиковъ, участвовалъ въ нападеніи съ коломъ на воинскую команду въ с. Ситникахъ и волновалъ крестьянъ; по показанію же свящ. Черподубравскаго, участвовалъ въ причиненіи ему различныхъ истязаній, а именно бралъ его въ церкви за волосы, снялъ съ него эпатрахиль, билъ палкою, хваталъ за грудь и пр. Впрочемъ, поставленные священникомъ этимъ два свидѣтеля, спрошенные подъ присягой, не подтвердили этого послѣдняго обвиненія. Самъ же обвиняемый ни въ чемъ не сознался.

Приговоръ: по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, наказать шпицрутенами, прогнавъ сквозь строй въ *300* чел. *одинъ* разъ, отдать въ арестантскія исправ. роты на 1 годъ, а затѣмъ сослать въ Сибирь.

Къ такому же наказанію приговорены и слѣдующіе за симъ 8 чел. подсудимыхъ, отнесенныхъ коммиссіей къ числу главныхъ виновниковъ.

6. Крестьянинъ д. Моренецъ *Михайло Пивень*, 36 лѣтъ. По показанію свидѣтелей, былъ однимъ изъ зачинщиковъ, участвовалъ въ нападеніи въ с. Ситникахъ на солдатъ, на которыхъ онъ бросился съ коломъ, выдернутымъ изъ плетня; по показанію же свящ. Черподубравскаго, кричалъ въ церкви и билъ его, но этого свидѣтели, впрочемъ, не подтвердили. Самъ же обвиняемый во всемъ запирался.

7. Крестьянинъ с. Моренецъ *Данило Пивень*, 34 лѣтъ. Былъ зачинщикомъ при требованіи указа и участвовалъ въ нападеніи въ Ситникахъ на солдатъ; по показанію священника, кричалъ въ церкви, поднималъ престолъ (sic), съ цѣлью найти подъ нимъ указъ, вмѣстѣ съ Лавриненкомъ (см. № 5) бралъ священника за волосы, снялъ съ него епитрахиль и потащилъ его въ толпу.—Обвиняемый отрицалъ свое нападеніе на воинскую команду и все прочее; сознался, однако, что водилъ священника въ воду.

8. Крестьянинъ с. Выграева *Петръ Гудзина*, 30 лѣтъ. Въ Кор-

сунѣ 10 апрѣля [12]) не былъ, но участвовалъ въ погруженіи мѣстнаго священника (Іоанна Загродскаго) въ воду [13]), былъ во главѣ зачинщиковъ и подговаривалъ крестьянъ идти въ Корсунь.—П. Гудзина виновнымъ себя не призналъ и заявилъ, что никого не подговаривалъ идти въ Корсунь, хотя и обѣщалъ кр. Барпацкому [14]) дѣлать это, но обѣщалъ лишь въ виду собственной безопасности; „однако, сказано въ обвинительномъ актѣ,—Гудзина себя въ томъ не оправдалъ".

9. Крестьянинъ с. Выграева *Назаръ Гончаренко*, 34 лѣтъ. Былъ въ Корсунѣ при нападеніи на воинскую команду и, по показанію крестьянина Вдовиченка, принуждалъ его побоями присоединиться къ толпѣ, идущей въ м. Корсунь.—Въ оправданіе свое Гончаренко ничего убѣдительнаго представить не могъ.

10. Крестьянинъ с. Выграева *Акимъ Пухлый*, 45 лѣтъ. Въ Корсунѣ 10 апрѣля не былъ, но вмѣстѣ съ кр. Петромъ Гудзиною (см. № 8) ѣздилъ по селамъ и собиралъ людей для похода въ Корсунь.—Въ свое оправданіе Акимъ Пухлый представилъ то же, что̀ и Гудзина.

11. Крестьянинъ с. Выграева *Исаакъ Кукла*, 37 лѣтъ. Былъ однимъ изъ зачинщиковъ, между прочимъ ходилъ вмѣстѣ съ Гордѣемъ Швайкою (см. слѣд.) къ Ситницкому священнику Чернодубравскому, заставилъ его написать записку къ Выграевскому священнику Загродскому, чтобы этотъ послѣдній выдалъ своимъ прихожанамъ освободительный указъ, и принесъ эту записку въ Выграевъ, чѣмъ произвелъ сильное волненіе своихъ односельчанъ; въ Корсунѣ 10 апрѣля при нападеніи не былъ.

12. Крестьянинъ с. Выграева *Гордѣй Швайка*, 42 лѣтъ. Былъ однимъ изъ зачинщиковъ, участвовалъ вмѣстѣ съ Іс. Куклою въ до-

---

[12]) 10 апр. произошла въ Корсунѣ стычка крестьянъ съ солдатами.

[13]) Изъ воспоминаній свящ. Ковальскаго: „Пріѣхалъ въ Корсунь свящ. с. Выграева Іоаннъ Загродскій; молодой, слабый здоровьемъ, онъ явился совершенно изможденнымъ. Крестьяне Выграевскіе взяли его дома, 10 апрѣля, тотчасъ послѣ обѣдни и повели къ пруду; тутъ выбрали человѣка большого ростомъ и поручили ему въ кафтанѣ и рясѣ купать священника въ прудѣ..."

[14]) Напомнимъ (см. прим. 1 этого прилож.), что братья Барпацкіе принадлежали къ числу главнѣйшихъ зачинщиковъ; оба они убиты въ Корсунѣ.

ставленіи въ Выграево записки Ситницкаго свящ. Чернодубравскаго, а также былъ съ толпою въ Корсунѣ 10 апрѣля.

13. Крестьянинъ д. Моренецъ *Савва Пивень*, 32 лѣтъ. Былъ 10 апрѣля съ толпою въ Корсунѣ и принималъ участіе въ предшествующихъ волненіяхъ; по собственному сознанію, водилъ священника въ Таганчу и въ Голяки и по селенію босымъ.

Остальные три изъ 16 крестьянъ, отнесенныхъ коммиссіей къ категоріи главныхъ виновниковъ, а именно:

14) крестьянинъ с. Бровахъ *Емельянъ Охрименко*, 22 лѣтъ, обвиняемый въ томъ, что, послѣ арестованія воинскою командою въ с. Ситникахъ семи крестьянъ, ударилъ въ набатъ;

15) крестьянинъ *Левъ Недбайло*, 43 л., виновный въ томъ, что хотѣлъ ѣхать въ Кіевъ съ прошеніемъ, а затѣмъ далъ 5 руб. на расходы тѣмъ, которые вмѣсто него отправились въ Кіевъ;

и 16) крестьянинъ *Іосифъ Ленда*, 26 лѣтъ, снимавшій, по собственному сознанію, съ Выграевскаго священника сапоги, при требованіи отъ него указа,

„какъ не бывшіе при нападеніяхъ на солдатъ и менѣе виновные“, присуждены къ наказанію розгами, въ количествѣ 50-ти ударовъ, съ оставленіемъ на мѣстѣ жительства.

Подсудимые, отнесенные коммиссіей къ категоріи лишь прикосновенныхъ къ дѣлу, въ числѣ 19 чел., какъ не участвующіе въ нападеніяхъ на солдатъ и въ истязаніи священниковъ и какъ бывшіе въ толпѣ по принужденію [15]), присуждены, на основаніи 1908 ст. Уложенія, къ наказанію розгами (по 50 ударовъ), съ оставленіемъ на мѣстѣ жительства.

Наконецъ, всѣ прочіе подсудимые, причисленные коммиссіей къ категоріи менѣе къ дѣлу прикосновенныхъ „отъ взысканія оставлены свободными“.—

---

[15]) При опредѣленіи наказанія для подсудимыхъ второй котегоріи, коммиссія руководствовалась между прочимъ слѣд. общимъ соображеніемъ: „въ неповиновеніи владѣльцу, сборищѣ толпами для требованія отъ священниковъ мнимаго указа и приходѣ въ м. Корсунь принимали участіе всѣ крестьяне разныхъ селеній, но многіе изъ числа слѣдовавшихъ въ Корсунь могли не знать объ умыслѣ нападенія на воинскую команду, многіе также могли быть увлечены принужденіемъ и увѣреніемъ, что будутъ просить начальство о прощеніи арестованныхъ въ Ситникахъ...“

Исполнивъ возложенную на нее обязанность, военно-судная коммиссія представила свой приговоръ вмѣстѣ съ подлиннымъ дѣломъ Кіевскому гражданскому губернатору при рапортѣ, въ которомъ между прочимъ „доводилось до свѣдѣнія его п-ства, что всѣ подсудимые во время производства въ коммиссіи дѣла оказывали покорность, совершенное раскаяніе, ропща на свое невѣжество и заблужеціе, а при объявленіи приговора на колѣняхъ и со слезами просили о помилованіи“.

Отъ губернатора все производство по дѣлу о безпорядкахъ учиненныхъ помѣщичьими крестьянами Каневскаго уѣзда, поступило къ генералъ-губернатору, а отъ этого послѣдняго, вмѣстѣ съ его по этому дѣлу соображеніями, поступило черезъ министра внутреннихъ дѣлъ на разсмотрѣніе Комитета Министровъ.

Разсмотрѣвъ дѣло и найдя возможнымъ смягчить приговоръ, постановленный смѣшанной военно-судной коммиссіей, Комитетъ Министровъ полагалъ [16]):

1) Крестьянъ Корнѣя Занченка, Василія Бзенка, Петра Швайку и Михайла Гайдаенка [17]) лишить всѣхъ правъ состоянія и отдать въ исправительныя арестантскія роты на одинъ годъ, а потомъ сослать для водворенія въ Западную Сибирь съ употребленіемъ тамъ въ работы по распоряженію мѣстныхъ начальствъ;

2) Крестьянъ Максима Лавриненка, Михайла и Данила Пивней лишить всѣхъ правъ состоянія и отдать въ исправительныя арест. роты на шесть мѣсяцевъ, а затѣмъ, какъ людей вредныхъ, сослать въ Западную Сибирь для водворенія;

3) Крестьянъ Петра Гудзину, Назара Гончаренка, Акима Пухлаго, Исаака Куклу, Гордѣя Швайку и Савву Пивня отдать въ арестантскія исправительныя роты на шесть мѣсяцевъ, а потомъ водворить на мѣстѣ жительства, предоставивъ владѣльцу, буде не по-

---

[16]) Нижеслѣдующее положеніе Комитета Министровъ извлекаемъ изъ указа за № 833 Кіевскаго Губернск. Правленія, даннаго Каневской градской полиціи и приложеннаго къ дѣлу военно-судной коммиссіи.

[17]) Въ этомъ и въ слѣд. пунктахъ положенія Комитета Министровъ подсудимые перечисляются въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они поставлены у насъ при изложеніи приговора военно-судной коммиссіи.

желаетъ имѣть ихъ въ своемъ имѣніи, удалить въ Сибирь установленнымъ порядкомъ;

4) Двадцати тремъ крестьянамъ, а именно Емельяну Охрименку, Льву Недбайлу, Іосифу Лендѣ и проч.[18]), вмѣнить въ наказаніе содержаніе ихъ подъ арестомъ во время слѣдствія и оставить на мѣстѣ жительства подъ надзоромъ владѣльца и мѣстной полиціи;

5) Остальныхъ 19 крестьянъ[19]) отъ суда и взысканія оставить свободными;

6) Григорія и Романа Кукленковъ, находящихся въ бѣгахъ, судить по поимкѣ;

и 7) Сдѣланныя передвиженія воинской команды и издержки принять на счетъ казны.

Государь Императоръ таковое положеніе гг. Министровъ Высочайше соизволилъ утвердить въ С.-Петербургѣ 7 декабря 1856 г.

Сообщая о таковомъ Высочайшемъ повелѣніи, объявленномъ ему черезъ г. министра внутрен. дѣлъ, генералъ-губернаторъ въ своемъ предложеніи за № 180, отъ 12 янв. 1857 г., просилъ начальника губерніи предложить Губернскому Правленію сдѣлать немедленно распоряженіе къ приведенію въ исполненіе Высочайшей воли, во всѣхъ статьяхъ, и о послѣдующемъ довести до свѣдѣнія его, начальника края. Кромѣ того, начальникъ края предложилъ предписать мѣстному (Каневскому) исправнику слѣдующее: „при водвореніи освобождаемыхъ крестьянъ въ мѣстѣ жительства, собравъ старѣйшихъ и почетнѣйшихъ крестьянъ тѣхъ селъ, къ коимъ принадлежатъ сужденные военнымъ судомъ крестьяне, объявить имъ о послѣдовавшей конфирмаціи (приговора) и еще разъ вразумить ихъ, какъ противозаконно было ихъ волненіе, и какія послѣдствія навлекли они на себя тѣмъ, что не слушали начальства и оскорбляли священниковъ; при томъ объяснить имъ, что (такъ какъ большая часть крестьянъ

---

[18]) Далѣе перечисляются по фамиліямъ всѣ подсудимые, отнесенные коммиссіей къ категоріи прикосновенныхъ къ дѣлу.

[19]) Рѣчь идетъ о подсудимыхъ, отнесенныхъ военно-судной коммиссіей къ категоріи менѣе прикосновенныхъ къ дѣлу. Въ положеніи Комитета перечисляются ихъ фамиліи, опущенныя нами въ видахъ экономіи мѣста.

прощена и только подвергнуты наказаніямъ наиболѣе виновные, волновавшіе или вовлекавшіе другихъ въ отвѣтственность) *то* есть Высочайшая къ нимъ милость Государя Императора, которую они должны оправдать спокойною и трудолюбивою жизнью и всегдашнимъ повиновеніемъ властямъ" [20]).

---

[20]) Обо всемъ вышеизложенномъ Кіевское Губернское Правленіе дало 24 янв. 1857 года указъ Каневской градской полиціи, полученный этой послѣдней 31 января того же года. Въ указѣ этомъ Кіевское Губернское Правленіе между прочимъ предписывало Каневской градской полиціи: „объявивъ изъясненное въ указѣ Высочайше утвержденное положеніе гг. министровъ крестьянамъ, поясненнымъ въ 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ п.п. того положенія, привести надъ ними въ исполненіе высылкою въ Кіевскую губернскую строительную и дорожную коммиссію для помѣщенія въ арестантскія роты, на опредѣленное каждому изъ нихъ время".

2007051197